

В. И. Большаков, д. ф. н.

**КАКАЯ
ВЛАСТЬ
УГОДНА БОГУ**

**«Ковчег»
Москва
2020**

В предлагаемой здесь брошюре кратко представлена разрабатываемая более тридцати лет В.И. Большаковым авторская историософская концепция, подробно обоснованная в монографиях: «По закону исторического возмездия», «Грани русской цивилизации», «Соборность российской государственности», «Возлюби ближнего своего», «Системный анализ российской государственности», «Динамика культурно-цивилизационного процесса», «Преступление и покаяние», «Судьба русской цивилизации», «Время собирать камни» и другие.

История России рассматривается в контексте преодоления «системных кризисов» – как результата глобальных столкновений мировых геополитических систем; согласно этой концепции, Россия сегодня переживает состояние системного кризиса, выход из которого невозможен в рамках действующей ныне «британской» или западноевропейской партийно-политической модели народного представительства, которая стала господствующей в России после повального увлечения западничеством.

В предлагаемой книге в яркой и доступной форме излагаются основы научной разработки русской идеи, как живой социально-духовной парадигмы развития российской государственности в ее прошлом, настоящем и будущем. Эта историософская концепция проливает свет на многие кажущиеся загадочными события и намечает путь развития политического процесса в будущей России.

Содержание

Тайна власти	4
Синдром Цезаря	5
Системные кризисы государственности	7
Блеск и нищета империи	13
Возврат правды и законности	17
Перестройка императорской России, или самодержавие с петлей на шее	27
Думский беспредел	29
Февральский бунт	32
Итоги царствования последнего императора	37
Дни окаянные	41
Всероссийское соборное движение	49
Духовный анализ прошедших эпох	54
Заключение	59

Тайна власти

Власть... В чем суть этой казалось бы очевидной и в то же время непонятной и таинственной категории? По каким причинам она появляется и по каким исчезает? Без ясного понимания этого ключевого понятия никакие реальные шаги с целью изучения ее механизма невозможны.

Бытует мнение, что власть — это обладание «вертушками», «мигалками» и административным ресурсом. Допустим, что это так. Тогда как объяснить, почему министр обороны, шеф КГБ и прочие весьма влиятельные участники ГКЧП, имевшие изобилие этих признаков власти, в самый ответственный момент вдруг обнаружили, что власти у них нет? Что она куда-то делась? Могла ли их реальная власть вот так в одночасье испариться?

Или возьмем пример из ранней истории — царствование Бориса Годунова. Для своего времени умнейший, очень искушенный и властный политик, имевший в своем распоряжении почти весь государственный ресурс, — и вдруг его власть стремительно начинает умаляться. Причина на первый взгляд смехотворная — прошел слух, будто убиенный царевич Дмитрий жив. Получается, на одной чаше весов слух, на другой — государственный ресурс. Слух оказался сильнее. Города один за другим сдавались Самозванцу без боя. Царь Борис со всем своим ресурсом оказался бессилён противостоять его победоносному шествию по Руси. Получается, тень убиенного царственного младенца перевесила ресурс государства (!?).

Еще один пример, начало ранней коммунистической эпохи. Скромный генсек РКП(б) Джугашвили на фоне блистательных ораторов типа Троцкого или интеллектуалов типа Бухарина был абсолютно незаметной фигурой. И вдруг он начинает концентрировать невероятную, огромную власть. Всесильные Рыков с Зиновьевым приходят жаловаться Ленину, мол, Сталин узурпирует власть. И действительно, во-

преки формальному положению, что неприметная должность Сталина не дает большой власти, его властный ресурс все усиливается, и никаким приказом эту ситуацию не изменить. В итоге скромный генсек продолжил концентрировать на себе всю государственную власть и спустя некоторое время стал абсолютным хозяином всего СССР. Цари не имели такой власти, какую приобрел Сталин.

Так что же такое власть? Почему к одним она приходит, от других утекает? Как понять, при каких условиях власть начинает аккумулироваться в одном месте, а при каких — рассеиваться? Когда, как и кому ее благословлял Господь?

Синдром Цезаря

Практически все современные системы власти в той или иной степени восходят к римской политической традиции и римскому праву. Что же такое Рим? Древний Рим прежде всего город-воин, возжелавший стать господином всего мира, всеми повелевать авторитетом силы. Успех Рима казался невероятным. Из маленького городка на семи холмах вокруг реки Тибр он превратился в центр колоссальной империи, простиравшейся на тысячи миль во все концы света! На долгие столетия Рим стал законодателем политической моды. Все, что мы знаем об античных древностях, мы знаем от римских философов, поэтов, государственных деятелей.

Когда в I веке до Р.Х. Римская республика, исполнив свою миссию, стала превращаться в империю, сам Юлий Цезарь, достигнув власти, получив наивысшие почести и чрезвычайные полномочия пожизненной диктатуры, трибунскую власть, титулы императора и отца отечества, явно чувствовал, что ему чего-то недостает. Он даже старался придать себе личный божественный характер, как это сделал Александр Македонский, но, очевидно, осознавал, что для этого нет достаточно прочных оснований в народных верованиях, а без этого его императорский статус повисал в воздухе. Он стал тягаться жизнью, чувствовал свои мечты разбитыми.

Таким образом, в монархической конструкции Римской империи стало все более заметно ощущаться отсутствие подо-

бия духовного или сакрального фундамента. Поэтому Римская империя постепенно утрачивала идею Рима как олицетворения идеи высокой гражданственности и все больше тяготела к восточной деспотии, что особенно явно проявилось у последнего римского императора Диоклетиана. Так в Древнем Риме зародился и сформировался *синдром Цезаря, который можно определить как болезнь абсолютизма и деспотизма государственной власти, созданной свободным объединением граждан, движимых идеями высокой гражданственности*. Его можно рассматривать как начало политического фарисейства, узаконенного на государственном уровне и введенного в международный политический канон. Синдром Цезаря настолько глубоко проник в букву и дух римской государственной доктрины, что в форме метастазов перешел отсюда как в Магдебургское право, приобретя впоследствии либерально-демократический оттенок в современной «западной» цивилизации, так и в жизнь восточно-христианской византийской государственности, призванной освятить мир язычества светом христианского просвещения.

Лишь появление Константина Великого спасло империю, ибо Константин нашел, в условиях своего времени, новый тип верховной власти, имеющий ясный идеократический элемент. Так власть в Римской империи обрела сакральность и от этого элемента получила священные права, получивши обязанности. Это была идея Божественной делегации, идея служения верховной власти Богу, для чего императору должно было опереться на христианство. Константин сумел понять, что тысячелетнее государство и трехсотлетняя христианская церковь не только могут быть в союзе, но и этот союз им обоим одинаково необходим.

Император, с точки зрения христианина, обязан исполнять не волю сената и народа, а Божию, то есть быть на страже нравственного закона, высшей Божественной справедливости, хотя бы против нее и стояло «большинство». В привнесении этой новой идеи христианской монархии и состоял произведенный Константином переворот, благодаря которому продолжилась жизнь Римской империи еще более чем на 1100 лет (!), в ее византийском изводе.

Основанная Константином Великим христианская государственность, обретя сакральный фундамент, стала естественным развитием в христианскую эпоху римской государственной доктрины, созданной грандиозной работой вековой политической жизни и мыслью крупнейших юристов древности. Будучи завершенной уже в Византии в VI веке, при Юстиниане Великом, она тем не менее впитала весь опыт Античности, Древней Иудеи и Римской империи. И в таком совершенном виде была воспринята и реализована в Древней Руси вместе с принятием христианства.

Системные кризисы государственности

Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти.

Инок Филофей

Неоднозначность современного отношения к православно-монархической государственности вызвана прежде всего неясностью представлений о Самодержавной власти. Прежде всего здесь надо заметить, что не всякая единоличная власть есть власть *Самодержавная*. Диктатор может соединять в себе все институты власти, но это не монарх-Самодержец, ибо только в Самодержавной монархии единоличная власть сакрализуется, получает значение *Верховной*, подчиненной высшему нравственному авторитету. Власть Самодержавного монарха невозможна без признания ее Божественного происхождения народом, ибо Царь выражает не волю народа, а его православное миросозерцание и, следовательно, олицетворяет ту Высшую силу, которая создала этот идеал. Подчинение монарху, говорил профессор М. Зызыкин, не есть подчинение силе, гению человека, как бывает при диктатуре, не есть подчинение слепой силе рока, как в деспотии, а подчинение себя тому, кто призван быть проводником благодати и носителем нравственного подвига, указанного Православием. Без единства христианского нравственного идеала у монарха и народа не может быть Самодержавной монархии.

Так уж случилось, что Господь не дал домонгольской Руси, получившей вместе с крещением от Византии ее совершенную сакральную форму власти, необходимого времени для мирного процесса развития социально-политических институтов, выросших на почве древнего славянского язычества, и превращения их в национальные институты русской православно-монархической государственности. Понимание, что всякая власть от Бога и что князь есть Божий слуга, требовало от подданных князя повиновения и почитания. Однако отход княжеской власти от действительного ее предназначения, чрезмерное увлечение взаимным соперничеством стали причиной охлаждения народа к власти, равнодушия к ней и нежелания исполнять ее волю. Иначе говоря, ко времени нашествия Батюга произошел разрыв между властью князей и народом. А это значит, что власть утратила свой сакральный характер, или, иначе говоря, произошла десакрализация власти. Эта утрата сакрального ореола великокняжеской власти должна была создать благоприятную среду для формирования очагов социально-политической поляризации, превращения однополярной в нравственном, сакральном, метафизическом смысле социально-политической системы в безблагодатную многополярную. Десакрализация власти, таким образом, может рассматриваться как первый этап развития системного кризиса восточнохристианской государственности.

Татаро-монгольское нашествие, в отличие от внутренних войн, прошло по Русской земле как смерч, уничтожающий все живое: никакой пощады не было ни детям, ни женщинам, ни старикам. Почти все культурное наследие Древней Руси было уничтожено. Это стало в полном смысле слова дном пропасти, куда привело Древнюю Русь первое смутное время.

Системный кризис государственности, или смутное время, вызывается утратой властью своей сакральности, то есть десакрализацией, как следствие охлаждения веры в Бога. Обычно толчком к этому служит убийство носителя верховной власти или наследника Престола.

Утрата сакральности власти приводит к началу скатывания на дно системного кризиса, или **смутного времени**. Этот процесс имеет четкие стадии:

- 1) десакрализация власти (обычно сопровождается убийством носителя Верховной власти или наследника Престола);
- 2) политическое противостояние;
- 3) военное противостояние или гражданская война;
- 4) внешняя военная интервенция;
- 5) оккупация — самое дно скатывания государственности в смутное время.

При этом надо иметь в виду, что оккупация не всегда носит военный характер. Можно выделить несколько ее форм: экономическая, религиозная, политическая, этническая, финансово-информационная. Они также могут встречаться в различных сочетаниях.

Здесь надо сказать, что выход из смутного времени, или системного кризиса, также имеет совершенно четкие этапы:

- 1) *покаяние* — осознание того факта, что десакрализация власти не была воспринята как начало страшного бедствия, не было покаяния в совершенных грехах и, следовательно, не было попыток остановить процесс развития системного кризиса;

- 2) *«партизанищина»* — создание в условиях оккупации религиозно-политических, экономических и военных образований, способных в условиях господства оккупантов противостоять им;

- 3) *народное ополчение* — общенациональное объединение с формированием единой военной силы, способной даже ценой утраты собственной жизни встать на борьбу с оккупантами. Здесь надо подчеркнуть, что не всегда народное ополчение приводит к восстановлению традиционной государственности. Между этими событиями может проходить значительное время;

- 4) *восстановление традиционной православно-монархической государственности, сакральности власти и признания ее всем народом.*

Системообразующим фактором российской государственности исходя из буквы и духа государственности византийского типа является сакральность власти, основой которой является развитое впоследствии Хомяковым понятие — *русская соборность, которая может быть определена как сво-*

бодное устремление к единству многих лиц на основе их общей любви к абсолютным нравственным ценностям.

Исходя из этой историософской концепции, нам следует дать исторический и социально-политический анализ развития и становления российской государственности от начальных ее форм, воспринятых в Византии в 988 году. В рамках предложенной концепции можно определить **системный кризис государственности, или смутное время, как функциональную перестройку механизма власти, вызванную утратой духовно-религиозной, нравственной составляющей, а значит, утратой сакральности и изменением вызванной этим парадигмы правосознания.**

Согласно нашей концепции первый системный кризис (смутное время), самой низкой точкой падения в пропасть которого стало татаро-монгольское иго, отбросившее культуру и образованность Древней Руси на несколько столетий назад, был связан с охлаждением веры, упованием на физическую силу и, как следствие, десакрализацией власти в период княжеских междоусобиц.

Спустя столетие искреннее покаяние и готовность постоять за свою веру и свободу благодаря деяниям преподобного Сергия Радонежского постепенно восстановили в народе стремление к идеалам Святой Руси и привели сначала к победе на Куликовом поле, а 100 лет спустя и к восстановлению государственности во время чудесного события — Стояния на Угре, следствием чего и стало превращение Древней Руси в суверенную, мощную православную державу — центр восточного христианства, а Москвы — в Третий Рим, или Новый Иерусалим.

В духовном плане пророчество о возвышении Москвы связывается с именем псковского инока Филофея и его посланием Василию III. Впервые эта мысль прозвучала в его первом послании из Псковского Елеазаровского монастыря. Написано оно между 1514 и 1521 годами, когда и Первый и Второй Рим уже пали. Филофей изложил в своем послании идею как религиозной, так и государственной преемственности Московской Руси от Византии. Он писал: «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое,

что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Эта формула «Москва — третий Рим» на долгое время определила религиозно-государственную политику как Московской Руси, так и наследовавшей ей Российской империи.

Впоследствии Иоанн IV Грозный не только теоретически обосновал, но и своими деяниями практически сформировал на Руси национальную форму поземельно-сословного народного представительства — Земский собор. Этот специфический, присущий русской политической традиции исторический институт народного волеизъявления, содержащий механизм согласования Верховного единоначалия и коллегиальности, способен в условиях системного кризиса сыграть объединяющую роль в сохранении государственности на устоях ее национальных приоритетов.

Иоанн Грозный не только обосновал сакральную природу Царской власти в России, но и явился основоположником понятия «Самодержавие», дав целую теорию монархического права — учение о целях власти, ее основах и пределах. Только спустя 200 лет после деяний Иоанна Грозного, в результате великих революций, в Европе появилась альтернативная и чуждая русской политической традиции партийно-политическая форма народного представительства в форме парламентской демократии, прикрытая фиговым листом — принципом разделения властей, способная не объединять, а лишь разделять народ.

Безусловно, величайшая заслуга Иоанна Грозного перед Россией — в законодательном формировании им особого института «гласа всея земли», Земского собора, который заменил и княжеские съезды, и народное вече. Тем более что последние не всегда и не для всех служили авторитетными органами и их решения часто нарушались.

Грозный Царь созывал Земские соборы из всех чинов Московского государства и для принятия законов, и для решения важнейших государственных вопросов. Он не признавал за подданными политических прав в отношении к Царю — власти Богоустановленной, и у него, конечно, не могло возникнуть и мысли видеть в Земском соборе представительство власти народа как Верховной. Верховной властью была его

Царская власть, освященная церковью и крепкая верностью православной святоотеческой традиции.

В большинстве случаев соборные совещания 1550–60-х годов представляли сравнительно немногочисленную верхушку господствующих сословий в лице членов Боярской думы и церковной иерархии. Только с середины 1560-х годов на соборы стали приглашаться дворяне и дети боярские вместе с верхами посадского населения столицы, что постепенно и превратило бывшие соборные совещания в «глас всея земли». Первый такой расширенный собор как орган всесословного представительства был созван на втором году опричнины. Его участниками были, помимо бояр и иерархии, многочисленные представители дворян, приказной службы и купцов. Со времени Грозного Царя Земские соборы становятся неотъемлемым институтом жизни и управления на Русской земле.

Духовно-государственное зодчество Иоанна Грозного по созиданию русского соборного царства оказалось столь основательным, что оно помогло пережить полную кошмаров эпоху смутного времени рубежа XVI–XVII веков, когда вся Европа под незримым дирижерством Римской курии и ордена иезуитов жадно набросилась на богатства Русской земли.

Смутное время начала XVII века достаточно хорошо описано и историками и литераторами, поэтому подробно здесь его описывать нет надобности, но каждый без труда сможет выделить в нем отмеченные нами этапы как развития системного кризиса, так и выхода из него. Надо лишь подчеркнуть, что выход из смутного времени (системного кризиса) начала XVII века показал, что Великий Земский собор 1613 года — это не акт случайного стечения обстоятельств, а закономерный шаг обращения в кризисной ситуации к русским соборным традициям, выраженный в восстановлении института Земского собора как национально-религиозной формы народного представительства.

Подготовленный западниками церковный раскол второй половины XVII века, когда предметы разногласий не затрагивали догматической основы и канонических вопросов жизни церкви, но остро касались эмоционально-психологической стороны отношения верующих к религиозной обрядности,

стал началом многовековой борьбы между патриархальными соборными традициями Руси и новыми веяниями, приходящими из Западной Европы. Непосредственный результат раскола — непримиримое, растянувшееся на столетия разделение русского общества; более отдаленные его последствия — утрата иммунитета против очередной волны реформирования государственности на Руси. Здесь сыграли свою роль и внешние религиозно-политические причины: интриги католической церкви, государственных институтов Польши и Литвы под незримым руководством ордена Иезуитов и Римской курии. Можно считать, даже утверждать, что церковный раскол стал основой, подготовившей будущие реформы Петра. Это была крупнейшая социально-политическая катастрофа системного характера, внутренней причиной которой стал кризис русской государственности: охлаждение веры, начало утраты сакрального восприятия Царской власти, падение нравственных устоев общества.

Блеск и нищета империи

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы, а
Наверху — тьма власти.

В.А. Гиляровский

Безначалие смутного времени оказалось не последним испытанием. В результате двух реформ, Алексея Михайловича и его сына Петра, соборное тело России оказалось разрушено. Была нарушена симфония светской и духовной власти, а голос духовенства и мирян заглушен распоряжениями церковной администрации. Выборность священников, церковный суд заменены практикой администрирования. В итоге русский народ и его пастыри — сельские священники — оказались в двойном рабстве, гражданском и церковном. После Петра на протяжении двух столетий не созывалось ни одного церковного Собора, а обер-прокурор Св. Синода мог бы наложить свое *veto* на любое его постановление. Русь лишилась патриарха, утратилась симфония

властей и российская государственность приобрела все характерные черты западного цезаро-папизма.

Реформы Петра нанесли сокрушающий удар не только по боярской знати, но и по русской аристократии, открыв дорогу к высшим должностям иностранцам, независимо от их происхождения и состояния. Это, естественно, поманило на Русь искателей приключений и политических авантюристов.

Идее Святой Руси Петр I противопоставил идею светского государства и светской культуры. С Петром пришло на Русь совершенно другое просвещение, идущее от иного корня. Прежде целью было небо, душа и жизнь вечная, теперь — плоть, земля и ее блага. Прежде законодателем был Бог, теперь — человек и его разум. Прежде критерием поведения было осознание греха и его искупление, теперь — утилитарная мораль общества.

Устранение Петром соборных традиций лишило Верховную власть ореола сакральности и сделало ее не объектом народного призвания, а целью борьбы политических партий и дворцовых интриг. А закулисные решения проводились в жизнь силой дворянской гвардии. Как следствие реформ Петра, Земские соборы, обеспечивавшие реальное единение Царя с народом, были упразднены. Непосредственное обращение народных учреждений или отдельных лиц к Верховной власти было строго зарегламентировано. В старину московские люди могли просить, например, об удалении от них воеводы и назначении на его место другого, желанного человека. Для «губерний» это стало невозможно, незаконно и могло быть сочтено чуть ли не бунтом. В Московской Руси огромную роль в единении Царя с народом играла церковная иерархия. В послепетровское время церковь сама была отрезана от Верховной власти и подчинена той же бюрократии, что и вся нация.

Еще горше стало с основой русской жизни — крестьянством: Петр и его преемники касту наемников, получавших от государства землю во временное владение, заменяют кастой потомственных рабовладельцев, нравы которых проявлялись порой в самых диких формах. Так, династии Романовых послепетровского извода суждено было закрепить на

Руси в XVIII столетии рабство, которого даже в глубокой древности не знала Русская земля.

Надо признать, что, преобразуя родовую знать в дворянскую, Петр обязал всех дворян служить до самой смерти и дворянских детей с раннего возраста записывали на военную службу, но потом эта традиция была нарушена. И Петербург, построенный на заболоченных берегах Невы, укоренивший в Российской империи иноземные традиции, утратил корневые традиции служения; воспитал и взрастил в своем чреве либеральную интеллигенцию и чиновничью бюрократию — главных разрушителей исторической России. Культурный разрыв между европеизированным высшим классом и народной массой, ставший причиной отчуждения народа от своего царя, начался именно с Петра. Этот разрыв поддерживался и усиливался благодаря иноземным династическим бракам, ставшим после Петровских реформ устойчивой традицией.

Петр I, конечно, не смог создать из России чисто европейское государство, а только заложил своей революцией сверху прочные основания для неизбежной революции снизу, которая рано или поздно должна была уничтожить все чужеродные начала, внесенные реформами Петра в русскую жизнь.

Петровская эпоха стала водоразделом между патриархальным, национальным московским Самодержавием и бюрократическим космополитическим петербургским абсолютизмом. Петр действует даже не как абсолютный монарх западного типа, а как революционный диктатор, который источник своей неограниченной власти видит только в своей личной воле и личных принципах, не имеющих опоры ни в религиозных, ни в национальных традициях страны и ее народа.

С эпохи Петра начинается какой-то удивительный этап мифологизации официальной исторической наукой всей не только последующей, но и предшествующей истории России. Русская история с тех пор и до нынешних времен становится настолько обильно нашпигована мифами, что подчас правильнее на нее смотреть через обращенные очки, считая черное белым, а белое черным, великое — изуверским, крова-

вое — святым и наоборот. Миф о Петре как гениальном реформаторе, «спасшем» Русское государство от неизбежной гибели, связан с мифом о том, что Московская Русь находилась на краю бездны. В свете таких мифов история допетровской Руси выглядит как нелепое сплетение нелепых событий. На деле же причины уродливого развития русской жизни после Петра I легко обнаруживаются, если только принять, что Петр был не русским Царем-реформатором, а революционером («Робеспьером на троне», по меткой оценке Пушкина). Анализируя деятельность Петра I, мы можем, следуя М. Волошину, утверждать, что первый большевик в России был Петр Алексеевич Романов и через его «заслуги» династия Романовых была, вероятно, уже обречена.

В результате реформаторской деятельности Петра I Россия пережила все беды, которые предшествуют смутному времени: кровь, террор, гонения на христиан и разграбление Отечества. Разумеется, в сравнении со смутным временем XVII века, с его польско-литовским, латино-иезуитским пленением, а тем более со временем варварского татаро-монгольского ига, отбросившим Россию на несколько столетий назад, «революционная перестройка» Петра, последующее Бабье царство и иноземное протестантское нашествие XVIII века, поощрявшее разгул и разврат, пропагандируемый с высоты Императорского престола, имевшего *форму придворной оккупации* (особый, формально никак не закрепленный в литературе вид оккупации), носили внешне мирный характер и не принесли столько страданий Русской земле, а в чем-то даже послужили делу просвещения.

В этой третьей смуте XVIII века были все признаки системного кризиса: убийство наследника царевича Алексея, борьба против Православной церкви. Разумеется, в XVIII веке было и братоубийство: бунт Емельяна Пугачева есть не что иное, как попытка вооруженного народного протеста против всего того, что делается со стороны Верховной власти. И не случайно Пугачев поднял знамя борьбы под именем убиенной «великой императрицей» Петра III.

Возврат правды и законности

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

И.С. Крылов

Конечно, в русском народе продолжала жить вера в доброго Царя-батюшку, и не напрасно. Изучение истории царствования Павла I лишь укрепляет убеждение о мифологизированном представлении русской истории; правда, по сравнению с XVIII веком эта мифологизация приобретает в веке XIX направленность строго противоположную. Начиная с воцарения Павла, в общественном сознании просвещенного слоя империи заметен резкий перелом: промонархические настроения сменяются антимонархическими. Становится модным относиться к Верховной власти скептически и иронически, фрондерство становится признаком хорошего тона. Чтобы понять причину этого сдвига, нужно принять во внимание, что обществом, имеющим право голоса, в то время была лишь дворянская интеллигенция. Другие слои населения были фактически безгласны, «народ безмолвствовал».

Российская культура XVIII — первой половины XIX столетия, в зеркале которой мы видим образ нашего Отечества и которую охватываем термином «золотой век», была дворянской культурой и отражала настроения дворянской интеллигенции. Народная культура уже прочно отгородилась от просвещенного общества и замкнулась в себе. «Общественное мнение» тех лет — это мнение дворянской интеллигенции, а она в массе своей, начиная с царствования Павла и уже до самого своего крушения, встала в оппозицию к Верховной власти. В течение длительного периода Бабьего царства переродилась сама психология дворянства, оно в значительной мере утратило веру в Бога, а значит, перестало смотреть на Императора как на Божиего Помазанника, как на сакральную, харизматическую, священную особу. Его духовная составляющая исчезла в глазах высшего сословия: для при-

дворных, министров и советников, генералов и администраторов Император стал фигурой политической, таким же человеком, как и все, только облеченным властью. В этой власти они не видели уже никакой сакральной силы и признавали ее необходимой лишь с утилитарной точки зрения. Мистическое восприятие Царской власти было разрушено еще Петром, который чаще поступал не как русский православный Самодержец, а как обыкновенный деспот, не считавшийся ни с Божиими, ни с человеческими законами. Когда монарх становится нужен лишь для обеспечения порядка, для удержания данных им же привилегий, тогда любви, коренящейся в религиозном чувстве, быть к нему уже не может — его любят лишь те социальные группы, которых устраивает установленный им порядок, и не любят те, которых он не устраивает.

Почти всю свою сознательную жизнь Павел провел в Гатчине, будучи отстраненным от государственных дел матерью, которая узурпировала его власть и отобрала у него даже детей — Александра и Константина, чтобы самой воспитать их с помощью швейцарца Лагарпа в духе, который она считала «прогрессивным». Екатерина хотела назначить своим преемником любимого внука Александра, минуя Павла, но не успела обнародовать свою духовную грамоту. Заняв Престол лишь в сорокадвухлетнем возрасте, Павел вдоволь насмотрелся на распущенность просвещенного сословия и твердо решил, что, когда окажется у власти, положит этому предел. Имея в своем распоряжении небольшое войско и штат прислуги, он отработал на этой модели иные принципы жизнеустройства, стержнем которых была дисциплина и служение Отечеству.

Как могли отнестись к этим идеям дворяне екатерининского воспитания и те, кто их поддерживал? Конечно, только крайне враждебно. Как воспринимали человека, который начал проводить эти идеи в жизнь? Конечно, как тупого формалиста и мелочного придиру. «Я желаю,— писал Император Павел,— быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое». И действительно, мемуаристы и историки не поскупились: представили Павла будущим поколениям

как слабоумного и вспыльчивого деспота. А этот «слабоумный» сделал для России и народа русского всего за пять лет правления больше полезных дел, чем их было за все предыдущее столетие Бабьего царства. Павел I ввел Закон о престолонаследии, обнародованный в день его коронации в 1796 году. Этот важнейший правовой документ знаменует возврат к национальной традиции российского общественного жизнеустройства. Был положен конец провозглашенному Петром I произволу. С воцарением Павла в России начала восстанавливаться законность, единая и для простого народа, и для высшего света. Павел запретил ввоз иностранных книг, сеявших революционные идеи; частные типографии были закрыты, новыми постановлениями о цензуре был усилен надзор за книгопечатанием: дозволялось издавать только те книги, в которых не было ничего противного греко-российской церкви и Самодержавному строю. Из-за новых политических теорий, волновавших тогда Западную Европу, последовало запрещение отправлять молодых людей для образования за границу, а взамен этого немецкому дворянству Балтийского края позволено было в 1799 году открыть свой университет в Дерпте (Юрьеве). Если Екатерина была «матушкой» для владетельных дворян и заезжих щелкоперов, то Павел обрел образ «батюшки» для простого народа, как это и было положено от века русскому Царю.

После злодейского убийства 11 марта 1801 года в Михайловском замке Павла I к его могиле потянулись простые люди, ища небесной помощи, исцеления и его небесного заступничества. Почитание Павла I в народе и церкви православной было таково, что, как вспоминал князь Жевахов, только революция 1917 года прервала работы по подготовке его канонизации.

Двадцатичетырехлетний Александр, вступив на родительский Престол, попал в ложное и крайне затруднительное положение, оказавшись в окружении убийц своего отца. Он, вероятно, хорошо понимал, что, если ему пойти по пути резкого ограничения всевластия придворной знати, по которому шел отец, его ждет та же участь. И в Зимнем дворце, и в Царском Селе молодой Император был заложником группы свя-

занных между собой общим интересом богатых и влиятельных лиц. Говоря современным языком, это была государственно-политическая придворная мафия, целый век правившая страной руками возводимых ею на трон монархов. Собиралась она править так же и впредь — на этот раз руками Александра.

Мы уже говорили, что мироощущение дворянской интеллигенции было кривым зеркалом: неистового кровавого революционера-реформатора Петра нарекает Великим, развратную Екатерину превозносит до небес, Павла делает злым чудачком, а у Александра отнимает его достоинство. Большая часть царствования Александра Благословенного прошла среди великих войн, но Государь находил время и для забот об упорядочении внутреннего управления империей. Особенно важные меры были осуществлены Императором Александром в деле высшего управления, которое со времен Петра находилось в руках коллегий. Он упразднил коллегии и заменил их министерствами, во главе которых стояли министры, ответственные перед Государем за деятельность своих ведомств. Для решения тех дел, которые касались нескольких ведомств, министры собирались вместе в совете министров. Все новые законы и важные мероприятия, прежде чем они представлялись на утверждение Государю, должны были с 1803 года подвергаться обсуждению в особом высшем учреждении — Государственном совете, который назначил Государь из наиболее достойных и заслуженных высших сановников. Кроме рассмотрения новых законов, Государственный совет обсуждал еще смету государственных доходов и расходов на каждый год вперед (так называемый бюджет). Во всех этих преобразованиях Государю помогал выдающийся сотрудник — Сперанский, сын бедного священника Владимирской губернии. По поручению Императора Сперанский составил общий план для целой системы государственных учреждений. План отличался внешней стройностью и гармонией. Так, Государственный совет был поставлен во главе законодательской работы, а министерства — во главе администрации. Сенат, по плану Сперанского, должен был образовать высшее судебное сословие в государстве, со-

стоящее из членов, отчасти назначенных правительством, отчасти выбранных дворянством. Эта схема управления, конечно, соответствовала западной-европейской традиции разделения властей, за что Сперанский подозревался в связи с масонством и был отстранен от государственных дел, но созданная им система управления в главных своих чертах сохранилась до самого крушения Российской империи, уже так и не избавившись от рудимента западной цивилизации.

Младший брат императора Александра — Николай I Благовенчанный в день своего восшествия на Престол оказался перед лицом крупного заговора под названием «Восстание декабристов» и проявил при подавлении мятежа немалую волю и мужество, которые не покидали его во все его царствование. В отношениях с европейскими державами Николай сохранял начала Священного Союза и всегда готов был оружием поддерживать старый порядок в Европе, хотя бы и с ущербом для интересов Российской империи. В итоге Россия не только не заслужила благодарности европейцев, но мало-помалу за ней закрепилась репутация жандарма Европы.

Революционные движения 1848–1849 годов, потрясшие всю Европу, породили при петербургском дворе опасения, что подобные движения могут распространиться и на Россию. Отсюда возникла эпоха реакции, и последние годы царствования Николая I ознаменовались усилением всякого рода административных и полицейских стеснений. Однако благодаря политике Николая I массовые кровопролития удалось отодвинуть на 100 лет, все революционные потрясения обошли Россию стороной, за что император и получил от «благодарных потомков» прозвище Палкин.

Венчание на царство Александра II сопровождалось целым рядом монарших милостей; так, например, были возвращены из ссылки декабристы и польские мятежники восстания 1830–1831 годов. Сразу же по восшествии на Престол Император приступил к подготовке и осуществлению реформирования практически всех важнейших сторон жизни.

Благодаря реформам Александра II получило широкое развитие земское движение. Обычно историки молчаливо

предполагают, что в земстве получило свое дальнейшее развитие искореняемое со времен Петра русское соборное начало, на самом же деле это качественно разные явления. Действительно, в земствах при Императоре Александре утверждается выборное начало, учреждаются земские собрания и земские управы, а в городах — городская дума и управа. Однако либеральная атмосфера, в которой осуществлялась земская реформа Александра II, привела в итоге к печальным последствиям. Земское самоуправление само по себе может и должно служить укреплению Самодержавной власти на местах, помогать Самодержцу в решении вопросов местного характера. На деле же либеральная интеллигенция, руководствуясь заимствованными в Европе разрушительными устремлениями, сделала земства оппозицией Самодержавному строю и Русской Православной Церкви. В земских училищах поддерживалось свободомыслие и неверие учителей, которые вместе с земскими врачами стали наиболее деятельными проводниками в простом народе атеистических и антигосударственных идей.

С новым царствованием предоставлен был гораздо больший простор печати, но в силу разгула либерализма это же время вызвало к жизни отрицательные нигилистические тенденции в литературе. Под видом эмансипации и свободы проповедовалась пошлость, нравственная распущенность, плотские страсти. Увлечение социальными идеями привело к забвению законности и гражданственности. Литература 1860-х годов воспитала целый ряд нигилистических поколений, в результате чего одни перестали верить в Бога по гордости своего ума, другие — по лености, третьи — потому что им было некогда, они служили социальным идеям, провозглашавшим необходимость переустройства общества. В итоге многие оказались в рядах сознательных или стихийных противников Православной Церкви и Самодержавной государственности.

Формально девиз «Православие, Самодержавие, Народность» был произнесен устами графа Уварова в первой половине XIX века, но к тому времени Православие, лишенное своего предстоятеля, оставалось под властью чиновников от

церкви. Самодержавие императорского периода России более правильно было бы назвать абсолютизмом, а народность на деле оказывалась привилегией инородцев. Тем не менее громадной важности реформы почти во всех областях государственной и общественной жизни пробудили дремавшие в народе духовные силы и мощным толчком двинули вперед прозябавшую Русь. Совершенно естественно, что, когда повеяло живительным духом и политическая атмосфера начала проясняться, общественное дыхание стало легче и свободней; столь же неизбежно были вызваны к жизни все отрицательные тенденции, загнанные в глубокое подполье железной рукой Николая Павловича. Заметим, что если в 1850-х и 1860-х годах либералами назывались сторонники предпринятых тогда реформ, а эти реформы нисколько не препятствовали их приверженцам оставаться добрыми гражданами и патриотами, то с пресловутого польского мятежа 1863 года начался явный раскол среди российской интеллигенции, которая тогда поголовно считала себя либеральной. Стало выясняться, что под знаменем либерализма выступили на сцену и усилились течения антирусские, антиправославные, антимоноархические. Получилось так, что инерция антинациональной политики, проводимой правителями в XVIII веке, не угасла, а в XIX веке трансформировалась в либеральные течения, оппозиционные императорской власти, пытавшейся придерживаться уже национального направления. Эти либералы весьма умело использовали красивые фразы о гражданской свободе, европеизме, гуманности, братстве народов и т.п. На публику, особенно молодежь, эти фразы действовали весьма заметно.

Антинациональное течение набрало тогда такую силу и так овладело печатью, что истинным патриотам и коренным русским людям, понявшим, куда ведет такой либерализм, потребовалось большое гражданское мужество и много энергии, чтобы выступить против него открыто. Разумеется, им пришлось выдерживать яростные нападки с противной стороны, их начали обвинять в крайней отсталости, мракобесии и чуть ли не в людоедстве. Тут мнимые сторонники европейского прогресса, как и в нынешнее смутное время, дали полную волю своим шарлатанским приемам, грубости своих

нравов и своему неуважению к человеческой личности, так что на многих людей робких или нетвердых в своих убеждениях их многочисленные печатные органы наводили положительный страх. Однако начавшаяся с ними борьба мало-помалу проясняла их истинные, антинациональные устремления. Оказалось, что сами узаконения, которыми они старались пленить простодушных людей, имели для них второстепенное значение. Успехи этих разрушительных тенденций легко объясняются, с одной стороны, тем, что интеллигенция со времен Петра в значительной степени была пропитана инородческими или не вполне обрусевшими элементами, а с другой — недостаточно развитым русским национальным самосознанием и происходящим отсюда обилием тайных и явных отщепенцев, готовых за чечевичную похлебку продать даже родную мать.

Таким образом, в эпоху Александра II российская государственность приняла характер мягкого, просвещенного и космополитического абсолютизма. Глубоко промыслительно, что в тот день, когда Александр II решил даровать России конституцию, Государь, имевший при себе готовый для подписи документ, был убит заговорщиками, которым он сам и дал такой простор для преступных действий. Но в то же время можно сказать, что Господь так немилосердно остановил руку Императора, вознамерившегося своей Высочайшей волей подчинить Богопомазанную Императорскую власть политической стихии народных страстей.

Александр III не считал, что либеральные и демократические реформы 1860–70-х годов есть безусловное благо для страны, и старался внести в них те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России. Он утвердил и возвеличил значение императорской власти. Он повел русский государственный корабль иным курсом, нежели его отец. Ощущение коренной чуждости и враждебности Запада национальным русским ценностям, понимание неоднозначности западного влияния на Русскую цивилизацию было свойственно Александру еще с юности. Западное влияние, носителем которого оказывались в основном инородцы, в тот период обнаруживало себя в расшатыв-

вании Царского Престола двумя внешне независимыми, но внутренне тесно связанными между собой путями: расширением прямой революционной деятельности в народе и насаждением идей космополитического и религиозного либерализма в просвещенном обществе. Александр Александрович, очевидно, понимал, что враги России руками инородцев и космополитов, пользующихся как инструментом политической властью либо средствами революционной борьбы, пытаются ослабить и даже уничтожить русскую государственность, Русскую Православную Церковь, русский образ жизни. Поэтому практически все наиболее тяжелые проблемы и болезни, лихорадившие Российскую империю, так или иначе завязывались в один узел с национальным вопросом, который стал главным мотивом действий императора Александра III.

Увы, были и печальные события того благодатного царствования. Решающее значение на дальнейшие судьбы России и Европы имел факт переориентации России от партнерства с соседней монархической Германией к военному союзу с республиканской Францией, политика которой формировалась прежде всего с учетом интересов банкирского дома Ротшильдов, а потом уже французского народа. Хотя этот союз и сохранялся тайным до кончины Александра III, но шила, как говорится, в мешке не утаишь.

Русский Самодержавный строй, созданный и выстраданный русским народом, пронесенный им сквозь века и великие события, незыблемо покоился на нашей православной вере, на том обаянии Царской идеи, которым проникнуты были многие миллионы русских людей, на той трогательной вере в доброго Царя как высшее идеальное выражение своей народности. В минуты бедствий или тяжелых испытаний в нем одном русский народ привык видеть свое спасение и свою надежду на лучшие времена. Следовательно, путеводной звездой, единственным гарантом стабильности Царской власти на Руси должно быть благо русского народа или, как принято выражаться, приоритет русских национальных интересов. Какую картину вместо этого на рубеже столетия мы видим? Широкое распространение иноземной колонизации,

особенно в западной и юго-западной частях России; заполнение русского рынка иноземными фабрикантами; стремительно растущие и множачиися иностранные общества для хищнической эксплуатации русских природных богатств; внешняя задолженность, тяжелым бременем лежащая на русских финансах и русском народном труде. И хотя в начале XX века были в России немалые успехи в развитии промышленности, развивалась преимущественно промышленность иностранная, а национальная промышленность при этом оказывалась в еще большей экономической зависимости от иностранцев.

Духовное пленение Руси, начавшееся в результате царствования Петра I, имело своим разлагающим источником новую столицу империи Санкт-Петербург, построенный в западном стиле, лишенном русских национальных традиций. Оттуда яд безверия, либерализма и космополитизма стал медленно распространяться, постепенно заражая все русское общество, в особенности его просвещенные слои. Столетний период этого духовного рабства (XVIII век), с явной тенденцией подчинить всю Россию интересам Европы и протестантско-потребительской идеологии, оказался губительным для России. И хотя Императоры, начиная с Павла I, верой и правдой служили России, не жалея себя и своей жизни, но спасти династию от гибели и Россию от разрушения они уже не могли. Непосредственным следствием антинациональных деяний петербургской аристократии, интеллигенции и чиновничьей бюрократии было формирование влиятельного слоя русских отщепенцев, которые в будущем стали социальной базой ползучей революции. В довершение всего в конце XIX века на арену вышли, как самая влиятельная сила, политические партии и движения. Они появились в России «вдруг», почти одновременно, хотя оружие это было не новым, а лишь подновленным, ибо еще в Древнем Риме Тит Ливий писал: «Борьба между партиями есть и всегда будет худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев бога!» Русский державный организм был обречен пройти искупительную кровавую купель. За 200 лет послепетровского царствования просвещенное общество настолько противопоста-

вило себя и свои интересы чаяниям русского народа, что между ними возникла непреодолимая пропасть.

Перестройка императорской России, или Самодержавие с петлей на шее

По делам их узнаете их.

Мф. (7, 17)

В конце прошлого века мы все свыклись с достаточно новым термином «перестройка», и, хотя каждый понимает его по-своему, пора, вероятно, коль он стал так часто употребляем, разобраться, что же это за столь странное явление в социально-политической жизни нашей страны. Были ли подобные катаклизмы в других странах, а если это типично российская стихия, то когда и почему она может разгуляться? Быть может, это лишь тайное оружие, изобретенное архитекторами перестройки и, пригодное для разрушения только Советского Союза?

Понять сущность перестройки нам поможет анализ периода столетней давности, переживаемого Российской империей и закончившегося хорошо всем известными событиями 1917 года.

Так уж получилось, что Николая II мало знали в России до восшествия его на Престол. Мощная фигура Александра III как бы заслоняла собою фигуру наследника; в российском обществе было очень неясное представление о его личности и свойствах характера. Александр III скончался неожиданно, не дожив и до 50 лет, и не успел ни ввести своего сына в курс высших государственных дел, ни дать ему возможность явно проявить себя в глазах всей России. Внешняя сдержанность Николая давала повод к самым разнообразным толкованиям его внутренних устремлений и даже к попыткам оказать на него явное давление. В своей речи 17 января 1895 года к земским депутатам Государь сразу и прямо развеял все сомнения, заявив: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала Самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель». Но одно дело

сказать, а совсем другое — следовать этому, — так, видимо, решили все недруги российского Престола и в продолжение всего его царствования не ослабляли своего давления с целью превратить российскую монархию в английский фиговый листок.

В просвещенном обществе утверждалась атмосфера нигилизма. Насмешки над деяниями императора и его личностью в интеллигентских кругах, в либеральных газетах считались признаком хорошего тона. Это определялось не тем, что все были против него, — против него было меньшинство, но меньшинство, активное до агрессивности, малоразборчивое в выборе средств, хорошо сплоченное, поддерживаемое банкирами, биржевыми маклерами и средствами массовой информации; большинство же было пассивным и разобщенным, нестойким в духе православной и русской национальной идеи и, следовательно, легко увлекающимся всякого рода идеями, подверженное воздействию клеветы и провокаций.

Тяжелые последствия имело подписание на пасху 1905 года Указа о веротерпимости, который подействовал на революционеров словно спусковой крючок. Летом 1905 года вся Россия была в огне, над горизонтом стояли тучи дыма. Толпы обезумевших крестьян под предводительством профессиональных бандитов из революционных партий жгли имения, мельницы, убивая несчастных владельцев, варварски уничтожая сотни голов скота. Возбуждение в народе поддерживалось действовавшими повсюду группами боевиков. Страна оказалась во власти уголовной мафии, а обезумевшая либеральная интеллигенция, науськивая народ, все кричала о «деспотизме» и требовала от правительства уступить «духу времени», рупором которого она себя и считала.

Бунт, при слабости власти, естественно, разгорался тем больше, чем больше получал «свобод». Почувствовав безнаказанность, лидеры всевозможных «независимых» групп и партий вели в стране бесконечный митинг. Указывая на эти крики, Витте и его сподручные стали уверять Императора, что, если удовлетворить «духу времени» в лице милликовых и иже с ними, то тогда и наступит успокоение.

Думский беспредел

Никакая пугачевщина не может повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция.

Константин Леонтьев

Нравственные качества Николая II, его истинно христианская любовь и смирение; его искренняя вера в Бога и в свой народ, его образованность, выдержка и исключительная работоспособность, чистота всех его помыслов, как правило, ни у кого не вызывают сомнений. Разногласия появляются тогда, когда подвергаются анализу результаты его деятельности как главы Российской империи, как фигуры сакральной и политической. Тяжелое наследие досталось Николаю II, губительны и непоправимы были последствия петербургского периода развития российской государственности; были накалены до предела социальные противоречия между простым народом, в поте лица добывающем хлеб свой насущный, и чиновничьей бюрократией, интеллигенцией, высшим светом. Глубокая трещина прошла через всю Россию. Насколько ясно понимал это Государь? Этот вопрос навсегда останется для нас невыясненным, сокрытым его молчаливо-сдержанной и мистически настроенной загадочной личностью. Во всяком случае, Государь, направляя реформаторскую деятельность в России, старался никого из подданных не обидеть, всех призреть, всем дать мир и покой, всем обеспечить простор творческой инициативы.

Русская история полна примеров, когда народная инициатива проявляла себя во всех сферах человеческой жизни. В императорской России можно и необходимо было подвергнуть разумному реформированию существовавшие тогда властные структуры ради ослабления всевластия чиновничества, служившего в значительной мере иностранным интересам. Антинациональную политику в угоду международным банкам и крупным синдикатам вели коррумпированные министры или просто недалекие чиновники, но это положение можно было

бы изменить, оживив деятельность Государственного совета, учрежденного еще Александром I и заменившего старорусскую Боярскую думу. Госсовет имел отчасти законодательные функции, правда в XX веке он сильно обюрократился, но его работу можно было бы активизировать, добавив туда выборных людей и придав Госсовету некоторые контрольные функции, которые облегчили бы ему надзор над чиновничьим аппаратом. Провести спасительные для империи реформы могла лишь сплотившаяся вокруг царя русская национальная элита, но таковой не оказалось. У российской элиты того времени вследствие отхода от Церкви Христовой и народа русского национальное самосознание пребывало в глубоком сне. В результате правящие сословия, вместо того чтобы поднять угнетенный двухсотлетним насаждением протестантско-потребительской идеологии русский дух, проводили антинациональную политику.

Еще 18 февраля 1905 года вышел Указ, возвещавший о намерении правительства созвать выбранных от народа представителей в законосовещательное собрание. Указом 6 августа было объявлено о предстоящем созыве Государственной думы от выборных людей, причем в ее состав допускались представители от всех инородцев и иноверцев. Но именно Манифестом от 17 октября будущая Госдума из законосовещательного органа обращалась в законодательный. Государственный совет, который, кроме членов, назначенных Государем, был преобразован и включал выбранных от разных сословий и учреждений. Таким образом, окончательно сформировалась двухпалатная система конституционной монархии по европейским образцам. Петля на шею российского Императора затянулась.

Как писал Тихомиров, «ограничить Самодержавие — это значит упразднить Верховную власть нравственно-религиозного идеала, или, выражаясь языком веры, упразднить Верховную власть Божию в устройении общества. Кто бы этого ни захотел, монарх или народ, положение дела от этого не изменяется»*.

* Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 457.

Как известно, после 17 октября 1905 года Союз освобождения стал называть себя конституционно-демократической партией, но так как народ упорно звал его членов не «демократами», а «домокрадами» и даже «конокрадами», то Союз переменял этикетку и принял громкое, но туманное название «Партия народной свободы» (сокращенное, более привычное их название было «кадеты»). Даже получив Высочайшим манифестом «незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы», радикальные круги, образовавшие Конституционно-демократическую партию народной свободы, сразу взяли курс на расширение полномочий законодательных палат и образование ответственного перед парламентом правительства по английскому образцу.

После революции у врагов России оставалась лишь одна задача — физически истребить Государя и его семью, поскольку в царствующей династии тогда уже более не оставалось лиц, приверженных идее Православной Самодержавной монархии. После событий 1905 года надо уже не задаваться вопросом, как и почему смог произойти февральский переворот 1917 года и последовавший за ним развал императорской России, а спрашивать, почему все это не случилось раньше и кто был той земной силой, удерживавшей в течение 12 лет все дьявольские атаки на Престол. По меткому выражению князя Жевахова, «с 1905 года Россия превратилась в сумасшедший дом, где не было больных, а были только сумасшедшие доктора, забрасывавшие ее своими безумными рецептами и универсальными средствами от воображаемых болезней».

Беспристрастный анализ «думского» периода российской истории как следствия первой русской революции показывает, что главные последствия его пока не осознаны, потому до сих пор не дана оценка смуты XVIII века, ни церковная, ни государственная, ни социально-политическая, ни литературно-драматургическая. Кто у нас до сих пор ходит в героях? Петр Великий, Екатерина Великая. Кто ходит в чудаках? Павел I.

Демократические реформы 1906 года — это еще одна попытка пересадить на русскую почву модель западной парла-

ментской демократии, пораженной «синдромом Цезаря», без учета русских соборных традиций и национальных особенностей. Тогда в результате разгула демократической прессы страшное оружие лжи и клеветы было направлено против Государя и использовано в условиях тяжелой и кровопролитной войны, которую Россия вела против Германии. В те годы против России, как это бывало и раньше, как это мы видим и теперь, ополчился весь мир. Великие державы считали, что уже купили Россию и осталось только ее обезглавить и поделить. Поэтому, когда мы оцениваем революцию 1917 года и удивляемся, почему наши предки, поверив лживым агитаторам, пошли на штурм Самодержавия и до основания разрушили Российскую империю, нельзя забывать, что они испытывали тяжелое положение. Другое дело, что они не знали о рычагах иностранного влияния, о пятой колонне и не могли осознать, что лишь Государь Николай II был той единственной силой, которая способна была спасти Российскую империю, удержав ее от падения в пропасть. Это спасение было бы возможно только в том случае, если бы русская элита: политическая, военная, промышленная, церковно-религиозная, купеческая, творческая — сплотилась вокруг своего Императора. На деле же произошло обратное — все повернулись против него.

Февральский бунт

В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..

Генерал-губернатор Ростопчин

Появление на рубеже XX века новых средств разрушения христианской государственности — политических движений и партий привело к модному увлечению антихристианством всех оттенков: оккультизмом, социализмом, коммунизмом и воинствующим безбожием. Путей гибели было множество — на всякий развращенный вкус: от животного материализма до утонченного теософского и спиритического ша-

манства. Эта широкомасштабная кампания пропаганды и насаждения бездуховности, национального нигилизма и атеизма слепо поддерживалась частью российского общества — либеральной интеллигенцией, развращенными представителями дворянства и аристократии.

Однако из всех средств политической борьбы, изобретенных тем безумным веком, нет более подлого, но нет и более сильного, чем клевета. С идейной антиправительственной пропагандой можно бороться тем же, идейным, путем, заговор можно раскрыть, восстание можно подавить. Но как парализовать действие планомерной, систематической, наглой лжи и клеветы, к услугам которой и пресса, и парламентская трибуна, и тысячеустая молва?

За это грязное дело все враги Самодержавия с особенным рвением принялись в то время, когда Россия после двух лет тяжелой войны была накануне победы; они сумели коварно использовать в своих целях глухое недовольство народа, измученного войной и сопряженными с ней лишениями. И началась отвратительная, низкая травля, в которой самые лживые обвинения, самые гнусные измышления пускались в ход, чтобы расшатать устои Русского трона, основанные на вере народа в Царскую милостивую и праведную власть.

1 ноября 1916 года в Государственной думе Милюков произнес свою «историческую», в сотнях тысяч экземпляров разошедшуюся по всей России речь, в которой он, не имея в своем распоряжении ни единого доказательства и основываясь исключительно на темных сплетнях какой-то английской газеты, обвинил Императрицу в измене. Вслед за ним с такой же бездоказательной и злобной речью выступил в Думе «монархист» Пуришкевич, распространяя, при услужливом содействии печати, в народе убеждение, что при Дворе свила гнездо измена. В прифронтовых учреждениях и в Военно-промышленном комитете бесчисленные приспешники Гучкова систематически отравляли ядом той же гнусной клеветы армию и фабричных рабочих, работающих на оборону.

Какое это имело значение для всей страны, для всего мира, объятых пламенем войны, знают все. Как говорил об этом сам Милюков, «не было министерства и штаба в тылу

и на фронте, в котором не переписывались бы эти речи, разлетевшиеся по стране в миллионах экземпляров. Этот громадный отзвук уже сам по себе превращал парламентское слово в штурмовой сигнал и являлся красноречивым показателем настроения, охватившего всю страну. Теперь у этого настроения был лозунг, и общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 года началом русской революции.

Клевета сделала свое дело. Потом, в роковые для России февральские дни, когда в Петрограде вспыхнуло восстание, организованное при помощи нескольких запасных полков, отравленный ядовитой клеветой русский народ не встал на защиту своего Государя. Клеветнический поход против Трона не прекратился и после революции. Зная, как прочны древние узы, связывающие Царя с народом, и более всего страшась немеркнувшего идеала Царской власти, жившего столетиями в народной душе, руководители этого похода, очутившись у власти, еще удвоили свои усилия, но главной мишенью для своих нападков они избрали теперь уже не двор, а беззащитную Царскую семью, поносить которую стало с тех пор не только безопасным, но и выгодным для революционной карьеры делом.

Города, веси, армия наполнялись отзвуками этих подлых обвинений. «Он изменник!» — кричали революционеры. «Он изменник,» — повторяли «парламентарии». «Он изменник!» — вопили обыватели. И толпа, оскорбленная в своем патриотизме, негодовала. Простые люди, видя, что война затягивается, считали, что они проданы врагу своими Царем и Царицей. Для Николая II это было хуже смерти, и он доказал это своей мученической кончиной; он предпочел смерть бесчестию. В течение всего нескольких месяцев 1916 года народ, под влиянием клеветнической пропаганды, потерял всякое уважение к Императрице. Простые доверчивые русские люди уничтожали в своих домах портреты и все предметы, напоминавшие им историю последнего царствования.

Расчет тех, кто руководил февральским заговором, был дьявольски точен и коварен. Они прекрасно понимали, что Государь перед лицом грозного врага никогда не пойдет на военное столкновение внутри русской армии и будет искать другие, невоенные формы умирения взбунтовавшихся ча-

стей. Заговорщики заманили его в ловушку, лишив связи с внешним миром, и оказали нажим на предварительно обработанных командующих фронтами. Государь мог в одиночку противостоять силам зла, подчинившим своему влиянию все просвещенное общество и даже его ближайших родственников, но он не мог одновременно объявить войну всему командованию своей армии, находясь при этом фактически у них в плену и не имея при себе даже личного конвоя. Телеграммы главнокомандующих фронтами выбили у него последнюю возможность вести борьбу и в то же время раскрыли перед ним всю глубину падения, измены и предательства. В этой ситуации перед ним, как Помазанником Божиим, стояла задача сохранения единства русского народа даже в его заблуждениях, чтобы любой ценой предотвратить разделение и неизбежную за этим гражданскую войну, ибо *всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Мф. 12, 25).

Когда верность присяге уступила место измене, Николаю II ничего иного не оставалось, как, уповая на Волю Господа, принять насильственное отречение от прародительского Престола. Хотя и по сей день многие ставят ему в вину то, что он «геройски» не погиб тогда в борьбе против своих адъютантов и лакеев.

Будучи истинным православным Царем, он не видел выхода в установлении с помощью верных штыков кровавой диктатуры, которая противоречила бы всему его существованию, его вере в Бога и в Россию. Отречение Государя Николая Александровича не слабость и безволие, а поступок величайшей силы. Это сознательное, жертвенное предание себя в руки врагов, дабы не силой политической власти, а силой христианской жертвы победить их. «Да будет воля Твоя!»

Гражданскую войну, как известно, вызвало не отречение Государя от Престола, ее развязали те же предатели — Алексеев, Корнилов, Рузский и другие генералы, когда им стало очевидно, что их надули их же тайные руководители, используя как таран, как грубую разрушительную силу. Они и здесь еще раз предали своего Государя, потому что уже тогда он призывал к покорности всех, кто остался ему верен.

Сегодня уже перестало быть секретом, что ради уничтожения Российской империи тогда смогли объединить свои усилия как наш военный противник — Германия, так и союзники — Англия и Франция; не остались в стороне и «нейтральные» США. Нетрудно заметить, что координация действий столь разнородных стран не могла осуществляться без централизованного руководства, управляющего мировыми событиями. Налицо был международный заговор против императорской России.

Все это настолько не укладывается до сих пор в умах, что вновь и вновь появляются работы, в которых делается попытка представить и февральский мятеж, и октябрьский переворот нагромождением роковых случайностей, которых можно было бы избежать, отдай вовремя Государь нужное распоряжение, заболей, умри или не родись вовсе какой-нибудь злодей. Однако если проанализировать развитие имперской государственности России к началу XX столетия с точки зрения близости ее к византийской социально-политической парадигме, то мы должны признать, что к началу XX века все социально-политические институты Российской империи были поражены системным вирусом, который оказался настолько разрушительным, что выход из кризиса был бы невозможен без качественного изменения государственной системы.

При этом выход из смуты XVIII века должен был быть провозглашен на Поместном соборе 1917 года. Но, как мы знаем, этот Собор состоялся уже когда готовивший его Император находился в Тобольской ссылке. Единственным, хоть и очень важным итогом этого Собора стало избрание патриарха Тихона, ныне причисленного к лику святых.

Так в 1917 году началась новая богоборческая смута XX столетия и «дни окаянные». Эта смута, как и ей предшествующая, не осмыслена, не изжита нами и продолжается до сих пор, причем в 80-е годы XX века ее течение вновь обострилось и это в очередной раз привело к разрушению нашей, уже советской, державы.

Итоги царствования последнего императора

*...Потому что все ищут своего, а не того,
что угодно Иисусу Христу.*

Флп. (2, 21)

Династия Романовых на русском Престоле, начавшись в Ипатьевском монастыре Костромской губернии, нашла свой конец в Ипатьевском доме города Екатеринбурга. Но с крушением Императорского дома не кончилось Русское царство, русское Самодержавие, оно было вознесено на Небеса вместе с душами Царственных мучеников. Скипетр и держава оказались в руках нашей Небесной заступницы Божией Матери — Державной. Кому из смертных и когда вручит Она эти знаки Царской власти на Руси, известно только одному Господу Богу.

«Если бы у нас теперь оказалась подорванною монархическая власть — это был бы для государственной науки замечательнейший в истории образец того страшного зла, которое составляет для монархической власти ее болезнь — переход в бюрократическое правление», — писал Лев Тихомиров*. И действительно, обюрократившаяся Российская империя, поражавшая весь мир блеском и богатством привилегированных слоев, в одночасье рухнула, причем вся глубина духовной трагедии русского народа может быть понята исходя из того немислимого на первый взгляд факта, что чужеземные политические агитаторы оказались простому люду ближе своей власти.

Все наши размышления убеждают нас в том, что революция, подготовка которой велась непрерывно в течение нескольких столетий, произошла потому, что она не могла не произойти. В XX веке уже не было земной силы, способной ее предотвратить. За 200 лет всевластия бюрократии и проведения ею антинациональной политики скопились столь непримиримые противоречия, общество было так поляризировано, что императорская Россия обречена была пройти через

* Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 39.

кровавую купель — иное очищение едва ли было возможно. Трагедия состояла лишь в том, что Император Николай II менее всех своих предшественников был повинен в тяжелом положении русского народа, больше всех чувствовал и понимал народные чаяния, ближе всех стоял к простому люду, но, будучи сыном своей эпохи, не мог открыто встать на сторону простого народа, положить предел бесправию русских и нещадной их эксплуатации инородческими окраинами, германскими промышленниками и французскими банкирами. И не вина, а беда русских людей, что, борясь с имперской бюрократией, они фактически боролись против благочестивейшего из царей и в итоге оказались в оковах самой жестокой и беспощадной на земле диктатуры.

Царствование Императора Николая Александровича — один из самых загадочных и противоречивых периодов русской истории. Во всей тысячелетней христианской жизни Русского царства было столь редкостным соответствие личных качеств Государя народному идеалу Царя-христианина, Царя православного. В нем как бы слились образы царственного миролюбия таких верховных вождей Руси, как святой Равноапостольный князь Владимир, князь-мученик Андрей Боголюбский, как Цари Иоанн Васильевич и Федор Иоаннович. Все его помыслы были направлены к постоянному духовному очищению и материальному укреплению всех подданных империи, на создание тишины и покоя в Европе и во всем мире.

Однако императорской власти была вверена защита прав граждан, «защита силы права против права силы», защита интересов и прав державнообразующей, коренной нации — русского народа. Защита народа не есть защита народовластия или демократии. Демократия, конечно, никакая не власть народа, а лишь уловка для легковверных, но любая власть, какой бы она ни была, никогда не должна забывать, что она существует для народа, и прежде всего для народа коренного, создателя и хранителя государственности, иначе она обречена на погибель.

Фактическое разрушение православной самодержавной государственности началось тогда, когда Петр I провозгла-

сил: «Не мне служите, но России». Этим самым он провозгласил приоритет власти земной и во имя земных начал. На место идеала Святой Руси, народ которой в своей земной жизни хранил и нес миру вечные и спасительные идеи Христа, Петр I поставил идею абстрактного государства протестантского толка. Уже не Закон Божий, а закон наживы, грубой силы и политической изворотливости стал главным принципом жизни. Именно в этом таятся истоки трагедии, которая произошла 2 марта 1917 года и естественным продолжением которой стали «великий» Октябрь и Гражданская война.

Иногда можно услышать утверждение, что в то время Государю предлагали радикальные «спасительные» меры: «20 тысяч виселиц, и Россия надолго забудет про революцию». Надо хоть чуть-чуть чувствовать внутренний мир Николая II и знать меру отступления от Заповедей Божиих всей России, чтобы понять, сколь подобный шаг был несовместим с его безмерным человеколюбием. Для Помазанника Божия спасение заблудших душ ничуть не менее важная задача, чем защита верных. Метастазы раковой опухоли безверия проникли в те годы столь глубоко в тело России, что виселиц потребовалось бы значительно больше, а на первых же из них следовало бы разместить многих членов Императорского дома, большинство «народных избранников» и высший командный состав горячо любимой Государем русской армии...

Нежелание Государя идти на крайние репрессивные меры понятно не только в силу его необыкновенного человеколюбия; он ясно видел произвол чиновничьей бюрократии, утрату национальных чувств, непозволительную роскошь аристократии и нищету обездоленных, и поэтому недовольство трудового народа находило отзвук в его душе. Беда лишь в том, что народ, как всегда, безмолвствовал, а протест от его имени выражали алчные властолюбцы, пытаясь этим добиться личной популярности и власти.

Отступившей от Бога России, шагающей широкой поступью в западную цивилизацию, Царь, как сакральный символ Верховной власти, был не нужен, в «свободной» России он

становился лишним. В какой мере Государь это понимал, сказать трудно, но несомненно то, что он ощутил вокруг себя пустоту и даже богооставленность.

Надо сказать, что в феврале 1917 года Россия действительно была готова начать победоносное наступление по всем фронтам. Для поднятия боевого духа в огромных количествах была заготовлена новая форма в русском стиле, сделанная по разработкам художника Виктора Васнецова, — суконные шлемы-богатырки, длиннополые шинели с «застежками-разговорами», стилизованные под одеяние стрелцов. Но не послужила эта форма символом русской победы, а стала клеймом братоубийственной гражданской войны, и вместо двуглавых орлов на шлемах-богатырках оказалась кровавая звезда.

Акт отречения Императора Николая II от прародительского Престола есть мистическое средоточие великой русской трагедии, русской смуты XX века. И пока мы не осознаем духовный смысл жертвенного подвига Государя в акте отречения от Престола, мы не сможем прозреть духовно, прийти к покаянию и очищению, а значит, чаять восстановления законности и порядка на Русской земле. Насильственным подписанием акта отречения для Государя Николая Александровича завершился этап его служения России во славе и величии и начался путь жертвенного подвига смирения и страдания за русский народ и веру Православную. Тяжела шапка Мономаха, трудно служить Отечеству во славе его; жертвенного же служения в скорби и смирении оказались достойны лишь немногие Божии избранники. Сочетание в одном человеке того и другого подвига — явление поистине уникальное, подобных примеров мировая история знает немного.

Беспристрастная история уже многое расставила по своим местам, и совсем скоро мы будем свидетелями поистине судьбоносных последствий тех роковых событий. А пока понятно лишь одно: Государь, написавший в своей записке Императрице, что «в будущем надо быть готовым всему поклониться», видел далеко вперед, он душу свою полагал за Россию, а ему кричали: «Долой! Ты нам не нужен,

ты нам враждебен, мы презираем тебя, мы отрекаемся от тебя!..» Надо было смириться перед испытаниями, поднять крест и с крестом идти по пути Христа; подняться к тем высотам святости, на которые взошел Богочеловек, и повторить Его слова: «Отче! Прости им, они не ведают, что творят...»

Мы все дети и внуки клятвопреступников, изменников, трусов и обманщиков. И на нас лежит ответственность как на наследниках этого тяжкого греха клятвопреступления. И то, что в числе первых изменников и предателей оказались ближайшие родственники Государя, архиереи, генералы и политики не снимает с нас всех ответственности за соучастие в этом массовом преступлении наших предков. «И пока, — писал много десятилетий назад князь Жевахов, — русские люди не уразумеют миссии Самодержавного Русского Царя, пока не осознают, в чем заключались и должны заключаться задачи Самодержавия и Богопомазанничества, и не дадут обета Богу помогать Царю в осуществлении этих задач, до тех пор благодать Божия не вернется в Россию, до тех пор не будет и мира на земле».

Его до сих пор и нет.

Дни окаянные

Horresco referens*.

Как только Божественный свет, дававший законность, погас, начался тот неудержимый разгром былой могучей и сильной духом страны, который поверг ее в современное притупленное и придушенное состояние. Началась та бесконечная Вальпургиева ночь, пляска диких и сатанинских социалистических экспериментов, которая бросила обезумевших и изголодавшихся людей в погоне за куском земного хлеба в кровавую антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и мать на дочь. И в триумфе своей победы, упиваясь успехом, вдохновители-изуверы готовы были

* Содрогаюсь, рассказывая (лат.).

крикнуть: «Мы распяли вашу Россию, мы распяли вашу идеологию...»

«В течение короткого промежутка времени были убиты едва ли не все представители науки, ученые, профессора, инженеры, доктора, писатели, художники, не говоря уже о сотнях тысяч всякого рода государственных чиновников, которые были уничтожены в первую очередь. Такое массовое губление оказалось возможным только потому, что никто не предполагал самой возможности его, все оставались на местах и не предпринимали никаких мер к спасению, не допуская, конечно, и мысли о том, что задача новой власти сводится к истреблению христиан», — писал князь Жевахов*.

Технология расчленения и закабаления России была апробирована еще с эпохи Петра: сокрушительный удар по церкви, а затем нескончаемая череда реформ. В XX веке, как и при Петре, прежде всего была проведена радикальная реформа языка.

И вот почти семь десятилетий питались русские люди одной лишь революционной ложью, сейчас ей на смену приходит ложь демократическая. Плохие Ленин, Троцкий и Свердлов заменяются «хорошими» Гучковым, Милюковым, Родзянко и Корниловым. А страшная трагедия России, разделившая русских людей на два непримиримых лагеря, так и остается непреодоленной с помощью этих хитроумных манипуляций.

Настало время, когда как нам, воспитанным на кинофильмах «Оптимистическая трагедия» и «Броненосец Потемкин», так и зарубежной России, сохранившей ностальгию по непорочной Российской империи, следует отделить зерна от плевел. Сегодня, когда с лидеров Белого движения отряхивается пыль и их начинают рядить в тогу героев Отечества, до конца оставшихся верными Царю-батюшке и Самодержавной России, уместно вспомнить, что белые попались на еще более дешевую приманку, чем красные. Гражданскую войну в России развязали высшие офицеры во главе с генералом Корниловым, когда наконец обнаружили, что были обмануты

* Кн. Жевахов. Воспоминания. М., 1993. Т. 2. М. 132.

Временным правительством и оказались пешками в коварной игре по разрушению Отечества.

Гражданская война, разделившая русских людей по политическим мотивам, была войной амбиций, для удовлетворения которых гибли по разные стороны баррикад сотни тысяч ничего в происходящем не понимавших юнкеров и «сознательных» рабочих и солдат, хотя и те и другие были значительно ближе к идеалам исторической России, чем их политические вожди. Сила большевиков была лишь в разобщенности их противников. Лицедеям удалось настолько смутить русскую душу, что практически через каждую семью, через всю Россию прошел кровавый рубеж, сделавший непримиримыми врагами сыновей и отцов, родных братьев, бывших однополчан, которые, свято веруя в свое правое дело, безжалостно истребляли друг друга.

В перестроечное время, когда средствами массовой информации всякая ложь воспринималась с восторгом, появилась тенденция ставить все с ног на голову и в истории Великой Отечественной войны: объявить принесенные жертвы бессмысленными и ненужными, облить ушатами гнусной клеветы нашу армию и осквернить память Священной войны. Но, несмотря на всю эту вакханалию, мы вновь и вновь будем возвращаться к теме Отечественной войны потому, что слишком велики были потери, слишком дорогой ценой досталась нам победа над коричневой чумой XX века, чтобы считать перевернутой эту страницу истории. А еще и потому, что правда о нашей победе пока не сказана в полный голос: вклад русского народа, вынесшего основную тяжесть борьбы с фашизмом, пока не отделен от демагогических заявлений о «геройском» руководстве Коммунистической партии.

Сталин, как вождь и глава Советской России и как человек, обладавший к тому времени значительной полнотой власти, действительно несет ответственность за трагическое начало Великой Отечественной войны. В то же время, когда на Сталина пытаются свалить вину за все преступления ленинской гвардии, это не может не вызвать протеста. Хотя власть Сталина держалась на страхе и штыках, он в течение более

чем 30 лет, как глава государства, должен быть по справедливости оценен не только за преступления, совершенные в те «окаянные дни», но и за великие свершения и победы народов России, достигнутые под его верховным главнокомандованием, за те организаторские способности, которых он смог проявить, за ту ответственность, которую взял на себя.

Хотя уничтожение так называемой ленинской гвардии было закономерно и исторически неизбежно, однако рождение новой генерации патриотически мыслящих государственников проходило в ожесточенной схватке с большевистскими функционерами, для которых идеи всемирной революции оставались смыслом жизни, а «товарищ маузер» был незаменимым помощником и самым веским аргументом.

Как это ни дико и парадоксально звучит, но сегодня можно с уверенностью говорить о том, что за весь трехсотлетний период развития России со времен реформ Петра войны были единственным спасением для русских в своем Отечестве. Только в такое героическое время благодаря своей готовности постоять за Родину, благодаря отваге и природному дарованию русские люди выдвигались на руководящие посты и в армии, и в государстве. Правительственный аппарат в периоды войн очищался от инородцев и заполнялся русскими патриотами, а как только наступало мирное время, тут же на поверхность всплывали приспособленцы, искушенные в интриганстве, и начинали переоценивать результаты достигнутых побед. Поэтому только благодаря Великой Отечественной войне из среды простого русского народа выдвинулась плеяда блистательных полководцев, гениальных конструкторов, выдающихся руководителей промышленности. С солдатами и офицерами, прошедшими войну, произошло в буквальном смысле Преображение. Война вернула армии ее древние святыни, ордена, погоны, знаки отличия и все ее лучшие традиции. В 1943 году были восстановлены мундиры и погоны дореволюционной армии; учреждаются военные учебные заведения по типу старых кадетских корпусов — Суворовское и Нахимовское училища.

Весной 1942 года в Москве впервые за многие годы власть разрешила верующим провести Пасхальные празд-

ники, а 4 сентября 1943 года был судьбоносным днем для Русской Православной Церкви: митрополиты Сергей, Алексий и Николай поздним вечером были приглашены в Кремль для встречи со Сталиным. Прощаясь с архиереями, «сфинкс XX века», взяв митрополита Сергия под руку, проводил его по лестнице вниз и на прощанье сказал следующую фразу: «Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для вас сделать» (?!). Четыре дня спустя в Москве состоялся Архиерейский собор, избравший митрополита Сергия патриархом. Патриарший престол после церковных реформ Петра I, как мы помним, сиротствовал 200 лет, а после смерти патриарха Тихона — семнадцать, причем все это время митрополит Сергей фактически нес первосвятительское служение, не имея только соответствующего сана.

Во время войны были открыты многие храмы, духовные семинарии, академии, вернулась жизнь в Свято-Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры, во многие монастыри; были вновь загнаны в глубокое подполье униаты и прочие еретики; много священников освобождено из тюрем, но еще больше пришло к алтарю бывших воинов, ставших неоднократно свидетелями Божией помощи русскому воинству.

Смерть «вождя всех времен и народов» потрясла не только Советский Союз, весь мир бурно отреагировал на это событие. Однако 1953 год стал действительно переломной вехой в русской истории по другой причине: в этот год произошло событие, равное по своей значимости разгрому Святославом Хазарского каганата, хотя мировая пресса до сего времени хранит об этом гробовое молчание.

К моменту смерти Сталина «государство в государстве» — МВД Берии, по данным печати, включало до одного миллиона человек, половина из которых была организована как настоящая армия. Берия был единоличным и полным ее властелином. Взять такого человека, как говорится, голыми руками было просто невозможно. «Лубянский бастион» был сильно укрепленной главной опорной базой, способной выдержать в течение долгого времени самую яростную атаку толпы, но появление в центре Москвы танков и грузовиков с гвардейцами маршала Жукова было настолько неожиданным и молниенос-

ным, что никто из командного состава МВД не смог организовать сопротивление и весь штаб был захвачен «с налета», в том числе и правая рука Берии Израэлович, который незадолго перед этим, сразу после смерти Сталина, был возвращен из сибирского лагеря, где просидел много лет.

После многодесятилетнего террора и геноцида русского народа со стороны захвативших власть в России изуверов, когда, казалось, физически были уничтожены или закованы в кандалы все, кто способен был оказать хоть какое-то сопротивление коварной диктатуре, молниеносная танковая атака маршала Жукова уничтожила тайную карательную организацию всего за несколько минут.

Как известно, никто из жителей Москвы не слышал в тот день стрельбы на улицах города, не было никаких беспорядков, и даже премьера оперы «Декабристы» не была отменена. Иными словами, «Великая Русская Революция», как писал русский эмигрант Ларичкин (псевдоним — Ушкуйник), не в пример «Великой Пролетарской Культурной Революции» Мао Цзедуна, продолжавшейся годами с великим шумом, гвалтом и треском, прокатилась в истории «как тать в ночи», и, хотя ее результаты видны во всех уголках мира, громадное большинство его населения не понимает ее значения и даже не желает признать за совершившийся факт!

Так как власть карательных органов в Советской России не имела глубоких корней и основывалась исключительно на терроре секретной полиции, то уничтожение ее лубянского центра танками Жукова повлекло за собой неизбежное ослабление этой власти и постепенное вытеснение ее агентов из партийного, правительственного аппарата и даже из спецслужб и системы ГУЛага.

«Лубянский разгром» по своему глобальному значению стоит в одном ряду с такими сражениями, как знаменитое Ледовое побоище князя Александра Невского, которое разрушило мечту тевтонов разбить славян. Жуков убил не мечту, но уже осуществившийся факт порабощения России незримым мировым правительством, вот уже две с половиной тысячи лет рвущимся к власти. Ни у себя на родине, продолжал Ларичкин, ни вне ее никто и никогда не сделал полной оценки

боевой деятельности этого совершенно исключительного полководца, равного которому не было в истории. Победы маршала Жукова радикально изменили ход истории. Не после смерти Сталина, а в результате разгрома маршалом Жуковым «дубянского бастиона» 27 июня 1953 года Советский Союз вновь, как прежде Царская Россия, стал главной мишенью изощренных нападков всего мирового сообщества, снова превратившись в главную империю зла, которая не позволяет мировому капиталу держать в покорности все человечество.

Некоторые знатоки сейчас задают себе резонный вопрос: почему Жуков не расстрелял сразу Кагановича, Хрущева, Маленкова, Микояна и всех ненавистников православной России, не установил русскую военную диктатуру и не предал праведному, открытому и гласному суду всех преступников, творивших свои беззакония в России?

Что на это можно сказать? Жуков был прежде всего Воин — защитник своего Отечества, и ему было глубоко чуждо стремление к политической власти. Мы сегодня не имеем точных сведений о том, был ли Жуков верующим человеком, но вся его жизнь, его подвиги, поступки, статьи, книги убеждают, что по естеству своему, как и Святослав Великий, он был истинным христианином, с Царем в голове и с Богом в душе. И чуткое христианское сердце, вероятно, подсказывало ему, что не испита еще русским народом до дна чаша Божиего гнева. Г.К. Жуков, как верный сын и истинный герой своего Отечества, устранился от борьбы за власть и не стал применять репрессий, он с достоинством перенес и отставку, и забвение, и безудержное глумление над его подвигами. Час искупления тогда еще не пробил.

Россия должна была пережить изуверские реформы Хрущева и поднятую им новую волну гонения на Православную церковь, когда оказались разрушены многие храмы, даже пережившие войну. Русское крестьянство, сумевшее не только пережить коллективизацию, культурную революцию в деревне и тяготы Великой войны и сохранившее и даже укрепившее соборную основу русской крестьянской жизни, должно было во времена Хрущева быть изгнанным из своих «неперспективных» деревень. До сего дня эти брошенные де-

ревни — живые свидетели разгрома русского крестьянства — стоят со всей утварью, будто бы хозяева оставили их в такой спешке, как при нашествии Мамаю. Надо было построить еще много плотин и электростанций, затопить водами лучшие плодородные земли, нанести земле неизлечимые раны, залить ее нечистотами. В период хрущевской «оттепели» должны были повылезать из своих нор извращенцы всех мастей, восстановить свои международные связи и превратить гигантскую страну в самоуничтожающийся и смердящий живой труп партийной власти в СССР. Нужно было пережить постыдный маскарад революционной перестройки, когда все хорошее, что было в советской истории, оказалось втоптаным в грязь. А героями дня стали обманщик, взяточник, вор, спекулянт, уголовник, убийца и сатанисты всех мастей. Необходимо было испытать власть криминальной мафии и теневой экономики, разгул шутовского парламентаризма, прочувствовать разрушающее, разлагающее действие современного телевидения. Надо было увидеть, как «новым мировым порядком» примерно наказаны многие непослушные государства: Корея и Афганистан, Ливия и Ирак, Югославия и Венесуэла.

Все это должно было произойти, чтобы русский человек наконец пробудился ото сна и покаялся перед Господом Богом за все свои грехи, вспомнил о своем миссионерском призвании, вернулся в лоно Православной церкви и осознал, что ни президент, ни марионеточный император, а только Православный Самодержавный Царь сможет его защитить от беззакония, вернуть положение хозяина на своей земле и обеспечить мирный труд, достойную жизнь и возможность воспитать здоровых и счастливых детей всем народам России.

Сможем ли мы сегодня обойтись без еще одной кровопролитной революции и гражданской войны, чтобы вымести с Русской земли паразитов всех мастей, сбивающих свой капитал на народных страданиях? Смогут ли сегодня не новые хазары, которых почему-то называют новыми русскими, а подлинно национальная русская элита, та ее часть, которая не утратила здорового инстинкта самосохранения, сохранить свое единство с Православием и русским трудовым народом,

свою ответственность за судьбу поруганного Отечества и восстановить историческую правду и законность на Руси?

Вспомним, что всегда первопричина смутного времени — это охлаждение веры в Бога, духовная болезнь Русской цивилизации. Но сложность задачи, стоящей сегодня перед духовным национально-освободительным движением, состоит не только в преодолении большевистского тоталитарного наследия и западного потребительства, но и в очищении здоровых начал русской державной и политической традиции, искаженных петербургским периодом российской государственности.

По всем человеческим меркам, по всем земным законам и расчетам Россия должна была бы сегодня пылать в огне непрекращающейся гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса; на месте России должна была бы быть духовная пустыня. Вместо этого медленно, но неуклонно происходит пробуждение религиозно-национального самосознания, особенно в мироощущении элитарных (не путать с интеллигенцией!) групп народа, которые в значительной мере и определяют нравственное состояние общества. Если, по словам И.С. Аксакова, Российская империя была «обществом христианским, но отречимся от Христа», то нынешняя атеистическая Россия мучительно ищет свой путь возвращения к Богу.

Всероссийское соборное движение

*Поставь над собою Царя, которого избере-
т Господь Бог твой; из среды братьев своих
поставь над собою Царя; не можешь поста-
вить над собою Царем иноземца, который не
брат тебе.*

Втор. (17, 15)

«Держись же, Россия, твердо Веры твоей, и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия, безначалия и не хочешь лишиться Царства и Царя Православного. А если отпадешь от своей веры, как

уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией, или Святой Русью, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга...» — говорил в начале века святой праведный Иоанн Кронштадтский. Но слова его были гласом вопиющего в пустыне. Уже в течение двух столетий до его проповедей все силы «просвещенного» человечества были направлены на борьбу с Самодержавием, или, как они его называли, «проклятым царизмом». При этом характерно, что углубление кризиса христианства и крушение монархической государственности шли рука об руку.

В.В. Розанов говорил: «В русской печи все переплавится». Действительно, в течение XX века русские люди смогли переварить даже столь откровенно богоборческое учение, как марксизм-ленинизм, извлечь из него позитивные начала и направить в разумное русло. Отличительная особенность русской души — самопожертвование и готовность отдать все ради спасения человечества — была использована лицедеями XX века, чтобы осуществить величайший подлог. Главную цель человеческой жизни на земле — обретение душой Царствия Божия — удалось заменить программой построения безбожного «рая», а Государь-Самодержец — Помазанник Божий оказался замещен коммунистическим, а теперь и «демократическим» лидером. Русский народ настолько искренне воспринял эти лживые цели, что сегодня нередко можно услышать, что Сталин, построивший свою империю на страхе и крови, был настоящий Император, потому что имел еще более безграничную власть, чем Император Всероссийский. Вспомним, что Иван Ильин писал: «Монархия несводима к внешней форме наследственного единовластия или к писаной монархической конституции; формация губит ее, она расцветает, укрепляется и начинает государственно и культурно плодоносить только тогда, когда имеет живые корни в человеческих душах»*.

Но политическая и финансовая власть мировой закулисы рухнет в одночасье, как только пробудится ото сна православная Россия. Вспомним, что гвардейцы маршала Жукова

* Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 104.

произвели «лубянский разгром» за несколько минут без единого выстрела. Все лицедеи это хорошо понимают, поэтому не пожалеют средств и сил, чтобы не допустить пробуждения русского национального самосознания. И восстанавливать нам надо не Российскую империю с ее изъянами и не советскую империю времен триумфа Сталина, а царство Русское, Православное, Самодержавное, основанное на идеалах Святой Руси. Но восстановить это царство нужно прежде в душах людей, особенно лучших русских людей — представителей всех сословий, русской элиты. Тогда, с Божией помощью, оно восстановится и в России.

Восстанавливать надо не привилегированные сословия, не династию Романовых, которая утратила идеалы Святой Руси, оказалась в одном лагере с заговорщиками против законного Императора и привела Российскую империю, созданную трудом и подвигом русского народа, к краху. Восстанавливать надо Бога в душе, Царя в голове и подлинную соборность русской державной жизни. Чтобы власть будущего русского Царя-Самодержца была ограничена не давлением мирового сообщества, не общечеловеческими ценностями, а непостижимым Промыслом Божиим, не диктатурой пролетариата, а диктатурой совести.

Россия всегда была, есть и будет идеократическим государством с неискоренимым у простого народа монархическим правосознанием. Естество русской души руководит нами независимо от нашего понимания, и русского она ведет не к чему иному, как к монархической форме правления по той простой причине, что он не способен честно и охотно подчиниться никакой другой власти, кроме единоличной. Неясность, а точнее, умышленная путаница взаимоотношений Православия и Монархии сегодня осложняется тем, что некоторые наши современники смотрят на Самодержавие как на давно прочитанную страницу истории и думают, что ныне о ней нет надобности говорить как о возможной практической перспективе. Отрекшись от самодержавной монархии и ввергая таким образом свою мысль в котел разнообразных политических страстей и политиканства, эти люди упорно продолжают проводить границу между нравственностью и

современной политикой, что и заставляет их убежденно повторять республиканские и демократические идеи и говорить об абсолютном отделении государства от Церкви и Церкви от политики.

Церковь действительно отделена от государства, но от государства атеистического. Церковь действительно отделена от политики, но от политики антинациональной, безнравственной. Но Церковь Православная никогда не может быть отделена от естественного стремления русского человека восстановить законность в России, на своей земле, чтобы не культ наживы и разврата, а Заповеди Божии были основой нравственности и морали как отдельного человека, так и всего общества.

Если Господь спасал и до сих пор спасает Россию во всех катастрофах мятежного XX века, то, очевидно, не для того, чтобы в итоге привести ее к гибели. Господь спасает Россию для ее возрождения через православную веру, для восстановления на земле Святой Руси подлинной законности, а не декоративной монархии по образцу современных западных. Восстановление неповрежденного Православного Самодержавия в такое время, когда, кажется, уже все погибло в пучине разврата и беззакония, не только возможно, но является единственным спасением от гибели. Тяжкие гонения, обрушившиеся на Православную Церковь, не прошли бесследно, еще сегодня она пребывает в оковах и «страха ради иудейска» не возвышает свой голос в защиту русского народа, продолжая благословлять антинациональный режим народных грабителей. Но и в рядах священства и церковной иерархии укрепляются здоровые силы, которые уже не будут мириться с всевластием чиновничьей бюрократии.

И не надо предаваться унынию, на Руси бывали времена и пострашнее: поляки были в Москве, Тушинский вор — под Москвою, по всему Дикому полю бродили шайки разбойников, Новгород Великий был занят шведами, страна разорена, а бояре, как и нынешние парламентарии, все спорили о власти да о влияниях. Но тут-то и показал русский народ свою соборную державную силу.

Созвали Великий Земский собор, который призвал «всею Землею» на царство Михаила Федоровича из рода Романовых — юного и неопытного, зато непричастного к распрям, терзавшим Россию во время Смуты. Земский же собор помогал ему управлять, ограждал молодого Государя от покушений со стороны властолюбивых бояр и установил прочный порядок на Руси.

Только Великий Земский Собор от коренных сословий: духовенства, крестьянства, офицерства и казачества, купечества и возрождающегося русского предпринимательства, рабочих и крестьян, научно-инженерной и творческой элиты — должен вновь восстановить на Руси законную власть — Православное Самодержавие. Собор вправе призвать на царство из народных героев, не причастных к политическим распрям, основателя новой русской Царской династии, подобно тому как сам Господь повелел никому не известного пастуха-псалмопевца Давида, помазать елеем и короновать Царским венцом. Народ безмолвствует, но голос Великого Земского Собора есть голос народа, а голос народа есть глас Божий.

Перед Твоей Державною Иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И Лик Твой Царственный, увенчанный короной,
Влечет к Себе мой умиленный взгляд.
В годину смут и трусости бесславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила Образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:
«Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам Царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю».
Покайся ж, Русь, злосчастливая блудница...
Омой в слезах свой оскверненный стыд,
Твоя Заступница, Небесная Царица,
Тебя и грешную жалеет и хранит.

С.С. Бехтеев

Духовный анализ прошедших эпох

Гляжу спокойно в даль веков
Без опасений и без страха.
Я зрю Россию без оков
В державной шапке Мономаха.

С.С. Бехтеев

Убийство русского Царя убеждает нас, что врагам русского народа недостаточно было разрушить Российскую империю, они стремились сокрушить Русское царство на небесном, религиозно-мистическом уровне. Никакой политической опасности Царственные узники, томящиеся в Екатеринбургском заточении, к тому времени уже не представляли — это ясно любому непредвзятому исследователю. Независимо от того, какие каббалистические знаки были оставлены на стене подвальной комнаты, цареубийство, убийство Помазанника Божия всегда носит в себе элемент богоубийства, а значит, является по своей сущности ритуально-мистическим. Убивая русского православного Царя, враги России символически убивали законную, христианскую, национальную власть. Убивая вместе с Августейшей семьей их верных слуг — убивали Всесословное общенародное единение, к которому так стремилось всегда русское Самодержавие.

Государь хорошо понимал мистический смысл борьбы между добром и злом, которая велась на бескрайних просторах России. «Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены “протоколы” евреев и масонов*, — весьма современное чтение», — записал он в своем дневнике за три месяца до кончины. Глубоко осознавая трагедию России, он в смерти своей, как русский Царь, остался непобедим, как непобедимо, неистребимо русское Самодержавие, Русское православное царство.

* Речь идет о 4-м издании книги Сергея Нилуса «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле» (Сергиев Посад, 1917). В нее были включены так называемые «Протоколы сионских мудрецов», впервые опубликованные С. Нилусом в 1905 году во втором издании его книги «Великое в малом». — *Примеч. авт.*

Единственная цель «отца лжи» всяких заблуждений и «тайных наук» — дьявола — вовлечь как можно большее число живущих в поклонение себе как богу. Этой задаче прежде всего и отвечает совершенное в ночь на 4(17) июля 1918 года в городе Екатеринбурге ритуальное действо. Конечно, настанет день, когда правда восторжествует. Беспристрастная история воздаст должное и кротким Царственным мученикам, и политическим проходимцам, сознательно их оклеветавшим.

Екатеринбургское злодеяние — это не «бессмысленная трагедия», как в том нас нередко стараются убедить: в убийстве Помазанника Божия был вполне определенный внешний и внутренний смысл. «Аще не умрет — не воскреснет». Российская империя сокрушена, погибла. А что же произошло с Россией? По внешности — предание в руки врагов. Но на поле духовной брани Господь послал испытание русскому народу самому противостоять стремлениям сатанинских сил и самому защитить богоизбранную Святую Русь.

«Но если верно, — писал князь Жевахов, — что беспримерное в истории злодеяние в Екатеринбурге действительно совершилось, то Россия не имеет права молить у Господа пощады...

Пусть не все были виноваты в преступлении, которому нет имени; но ни один чуткий человек не должен укрываться от его последствий. Все должны приобщиться страданиям Праведников и личным горем, и страданиями, и слезами, искупить страшный грех пред Богом, пред Помазанником Божиим и его Святым Семейством».

Давайте спросим себя: могло ли не быть голгофы? Мог ли земной путь Государя Николая II завершиться иначе, чем он завершился? Сравнение крестной смерти Спасителя и христианского подвига Царя-мученика Николая здесь вполне уместно. Царь земной — прообраз Царя Небесного, Помазанник Божий. Уподобившись Христу, Царю Небесному, Государь Николай II добровольно пошел на смерть. Как Сын Божий предал себя на муки и смерть за грехи всего мира, Государь пошел на Голгофу за грехи всего русского народа, отцом и защитником которого он был. Этой добровольной жертвой

Царь-мученик искупил грех русского народа — и спас его от полного уничтожения. Вот почему сегодня так боялись явные и тайные враги Святой Руси канонизации Царя-мученика Николая — обретения народом правды о его крестном подвиге и укрепления в народе веры Христовой. Это никак не устраивает тех, кто хочет, чтобы над нами по-прежнему тяготели нераскаянные грехи, кто хочет, чтобы мы продолжали пребывать в беспамятстве и безверии.

Возможен ли спасительный выход из нынешней смуты? Что может привести к окончательному пленению и рабству, и каким путем можно возродить и укрепить основы народного бытия?

Словно в старинной русской сказке, мертвая вода марксистской догмы, принесенная черным вороном, смогла соединить былинного древнерусского богатыря в одно тело, отделив от него чуждые наслоения. Но советская империя была мертвым телом, новой Вавилонской башней. И сегодня страдавшаяся, превратившаяся в осколки русская держава ждет живой воды — Святого Православия, чтобы оживить русский дух, расправить свои богатырские плечи и стряхнуть со своей шеи всех паразитов.

Сможем ли мы сегодня избавиться от ярлыковой болезни, сбросить с себя наросты социально-революционной схоластики, всевозможные «измы» и осознать, что прежде всего мы русские люди — великороссы, малороссы и белорусы, триединый народ, единственные защитники и хранители Святого Православия — неповрежденного вероучения, призванного спасти человечество от безудержной скачки по гибельному пути массового потребительства. «Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него». Жажда наживы, которая охватила сегодня всех людей, безропотное поклонение даже не золотому тельцу, а зеленому бумажному идолу лишь заслоняет от нас ту великую историческую миссию, которая уготована России — быть образцом христианского благочестия, нести в мир спасительные идеи любви, оставаться охранительницей Дома Пресвятой Богородицы и освещать неугасимой лампадой все человечество. Не дьявольская безудержная жажда потребления и стремление

поработить другие народы, а разумная достаточность, приоритет духовных, нравственных ценностей и христианское добротолубие могут вернуть Русской земле Божию благодать, покой и благоденствие, благополучие и процветание и этим спасти мир от новой катастрофы.

Никакой раздробленностью нельзя упразднить существования народа. Раздробленный народ все же народ. Подавленный, изуродованный, утративший свои традиции, погруженный в глубокий сон — все же народ, пока сохраняется живое единство сопричастности к деяниям наших славных предков. Мы так унижены и разорены не потому, что враги наши столь сильны и опасны; напротив, они напрягают последние силы, но власть их крепка потому, что все они, не в пример нам, верно служат своему «богу» — золотому тельцу и никогда не убивают друг друга по политическим мотивам. Пора и нам, русским, забыть свои надуманные, исторически чуждые нам разногласия и не строить между собой баррикады, а объединяться, потому что рассеянное войско не страшно никакому врагу. Только соборное единство может спасти русский народ от окончательного порабощения и вымирания. Пора нам проснуться и понять, что всякое политиканство, партийное раздробление и парламентаризм служат лишь разъединению и закреплению русской души, являются ширмой для тайной финансовой и криминальной власти, которая, прикрываясь лозунгами «просвещенности», «цивилизованности» и «общечеловеческих ценностей», стремится уничтожить последний оплот христианского благочестия на Русской земле.

Нас так упорно толкают на поле политической борьбы потому, что душевно здоровый русский человек генетически не приемлет политических распрей, ему чуждо властолюбие и он при современных механизмах и технологиях политической власти всегда окажется в проигрыше. Защитить русских людей от разграбления и позора может только Бог на Небе и русский православный Царь-Самодержец на земле. Объединившись вокруг этого духовного стержня, мы вновь обретем нашу прежнюю силу. Не политические страсти, а согласие и русская соборность, не безответственный и незаконный парламентаризм, а Помазанник Божий, не борьба классов, а сословное

единство всего народа, не интернационализм и мировой инкубатор по выращиванию вечно улыбающегося общечеловека, а сохранение и преумножение национальных культур, развитие самобытности народов России — вот наши маяки.

Не может быть равной свободы для преступников и их жертв, для овец и козлий. Либо свобода Божиему стаду и волки изгоняются в пустыню, где «стон и скрежет зубов», либо свобода волкам, тогда «берегитесь, овцы!». Россия никогда не была и не сможет стать страной западного парламентаризма, где вольготно чувствуют себя лишь волки в овечьих шкурах. Россия и не должна стать разменной монетой «цивилизованного» Запада в его борьбе с исламским миром; не должна служить очередной преградой, сдерживающей Европу от натиска новых орд степных кочевников. Точно так же она не может полностью стать на сторону евразийцев в их духовной и геополитической борьбе с западной цивилизацией. Вместо того чтобы продолжать многовековую борьбу креста и полумесяца, христианам и мусульманам давно пора объединить свои усилия, чтобы освободить наконец от врагов Христа свои религиозные святыни.

Последний российский Император в своем акте отречения завещал так: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том нерушимую присягу». Михаил Александрович взять Скипетр и Державу не решился. Завет последнего Императора Всероссийского, святого Царя-мученика, который остался для нас непорочным символом разрушенной империи, до сих пор не исполнен. Только создав Великий Земский собор от всех сословий и земель Всея Руси, мы сможем услышать глас безмолвствующего народа, который есть глас Божий.

Всякая эпоха в истории России имеет свой смысл и значение. Сегодня нам следует не стыдиться, а гордиться нашим советским прошлым. Ценой невероятных усилий, преодолевая лишения, проливая кровь, наши отцы из глада и разрухи Гражданской войны вывели Советскую державу на передовые мировые рубежи, избавили человечество от коричневой

чумы. Здесь, как и во все прежние времена, главная тяжесть легла на русские плечи. Русский народ — создатель русской государственности, хранитель Российской империи, руководствуясь утопической догмой марксизма-ленинизма, но сохраняя свои исторические традиции, сумел в кратчайшие сроки построить могущественную державу.

Заключение

6 октября 1994 года — день рождения Всероссийского Соборного Движения, которое поставило своей задачей созыв Великого Земского Собора и восстановление в России законной православно-монархической государственности. Открытие в этот день в Колонном зале Первого Всероссийского монархического совещания, участие в нем представителей богословской, научной и политической элиты вынудили власти обратить на монархистов самое пристальное внимание. Такого смотра монархических сил постсоветская Россия еще не видела. Если до 6 октября 1994 года на монархистов смотрели в лучшем случае как на чудаков, то после этого дня аналитические центры ведущих политических движений стали рассматривать восстановление монархической государственности в России как возможную политическую перспективу. Правда, большинство из них стали прикидывать, сможет ли Царский мундир прикрыть их неприглядные делишки и продлить дни беззастенчивого ограбления народов России.

Через год, в ноябре 1995-го, в Белгороде состоялось Второе Всероссийское монархическое совещание, оно же первое предсоборное региональное совещание (Белгородский Собор), где были приняты документы, констатирующие, что только Всероссийский Земский Собор вправе выразить народный глас о форме правления на Руси и, если такова будет воля Божия, восстановить на Руси православную самодержавную монархию и призвать на Царство родоначальника новой династии, из героев и защитников Отечества, доказавших свою верность Родине в тяжких испытаниях XX столетия.

Еще через год в Новочеркасске состоялся второй региональный Донской Земский Собор. Современных казачьих ли-

дерев, занимающих просторные атаманские дворцы, к сожалению, не оказалось на Соборе. Сегодня они заняты тем, чтобы доказать, что казаки — это не русский, а отдельный народ, и возродить «демократические» казачьи организации, создание которых восходит к мятежному 1918 году. Но станичные, войсковые атаманы, советы стариков и рядовые казаки решения Донского Земского Собора и документы, принятые там, восприняли с большой надеждой.

Следующий этап — Курск, Земский Собор Центральной России, именно тех земель, которые «демократическая» власть назвала красным поясом. Земский Собор в Курске, в отличие от Новочеркасского, проходил при полной поддержке Ювеналия, архиепископа Курского и Рыльского, одного из самых почитаемых в те годы в православном народе архиереев. Это заставило обратить пристальное внимание на подготовку курского Собора не только отечественных аналитиков, но и их зарубежных патронов. Подготовка и проведение регионального Земского Собора в Курске показало всей России, что восстановить в России Православное Самодержавие возможно, но борьба будет суровая.

После Белгорода, Новочеркаска, Курска, Крыма региональный Земский Собор был проведен в Санкт-Петербурге. Митрополит Иоанн, который был большой отрадой для православных людей, уже отошел ко Господу, и при подготовке Собора возникло множество препятствий, однако он все же успешно был проведен в соборном духе.

Мы должны взять с собой в будущее из прошлого и настоящего все самое лучшее и чистое. Словом, все то, из чего состоит нравственная сила, благородство и совесть русского народа. Нам нужны дерзость мышления и смелость действий, любовь друг к другу и высокая нравственность отношений. Будем же помнить, что все эти качества вытекают из родника души наших древнейших предков. И на каждом витке истории последующие поколения добавляли к ним новые грани, рожденные собственным опытом.

Русский народ внес самый заметный вклад в общемировую копилку науки и культуры и имеет полное право на достойную человека жизнь и хозяйское положение на своей

земле, но обеспечить это мы сможем, лишь восстановив на Руси Богоустановленную православную государственность. Какие бы ошибки ни совершались царями, другого защитника у русских, кроме отца нации — Царя-Самодержца, нет и быть не может.

Народ сам про себя говорил в старину: «Из нас, как из древа, — и дубина и икона», в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Сегодня, стоя перед судьбоносным выбором, пока вновь кто-либо не выкрикнул разрушительный призыв «Мир хижинам, война дворцам!», нам пора задуматься, будем ли мы и дальше бить друг друга дубиной по голове или перед иконой Святого Сергия все вместе с покаянием вернемся на путь Божий.

Для того чтобы пробудить дремлющее в русском народе национальное самосознание, ничего сверхъестественного не требуется. Надо просто любить свою землю, знать историю Отечества и быть достойными ее сынами, хранить свой род и родовые традиции. Но перед всем стоит преграда — леность нашей души, алчность и зависть, тщеславие и высокомерие, чревоугодие и озлобленность. И, пользуясь этими нашими пороками, целая армия изуверов, обещающая обворованному народу небо в алмазах и именующая себя властью, эти калифы на час, превратившие в нищих трудовой народ России, стремятся насытиться запретными плодами Валтасарова пира, испить из священных сосудов народные слезы, действуя по принципу «после нас хоть потоп».

Но не торопитесь брать в руки оружие возмездия, чтобы расправиться с безнравственными проходимцами; возьмите прежде меч духовный. Сегодня полем Куликовым стали души русских людей, где идет отчаянная борьба между добром и злом, между законом и беззаконием, между спасением и погибелью. Спасти Россию, а значит, и весь мир может только ведомое истинными пастырями Церкви Христовой широкое народно-православное национально-освободительное движение, когда перестанут быть вожделенными шикарные офисы современных банков, укомплектованных длинноногими и доступными секретаршами; когда те, кто преуспел в погоне за

звонкими монетами, будут вызывать жалость и презрение; когда «макдоналдсы», пережеванные и перемороженные продукты в блестящих упаковках перестанут так манить народ, а вернется аппетит к традиционной русской кухне; когда экстравагантная мода уступит место приверженности национальному костюму.

Где же вы сегодня, преподобные Сергей Радонежский и Иосиф Волоцкий, святитель Гермоген и патриарх Тихон? Где святые воины Пересвет и Ослябя? Неужто перевелись уже на Руси богатыри? Нет, не перевелись! Карфаген должен быть разрушен. Тайная власть на Руси обречена, и, как бы ни старались враги России, на какие бы уловки ни пускались, в наше промыслительное время неотвратно происходит то, что пророчески предсказал И.А. Ильин: «...незримое возрождение в зримом умирании». Сейчас все стараются сделать акцент на «зримом умирании». «Незримое возрождение» наша духовная слепота, увы, не позволяет нам увидеть воочию. А между тем со времен Царя Алексея Михайловича среди образованного русского общества не было такого количества искренне верующих людей, как в современной России, людей, которые пришли к вере не по воспитанию, а вполне сознательно, сделав свой мучительно трудный выбор.

Те, кто сегодня говорит, что русский народ не готов к монархии, напоминают врачей, которые, грозя больному гангренной, утверждают при этом, что он не готов к операции. Но, к счастью, гангреной поражена чуждая и, в общем-то, ненужная, привитая русскому народу в полной мере инородная часть. Но отсечь ее без помощи Божией мы никак не сможем.

И героизм и трагедия русской истории лишь убеждают нас в том, что от своей судьбы и спасительной миссии Россию не уведут никакие потрясения — если мы будем молчать, камни возопиют. *Закон исторического возмездия* неотвратно возвращает нас в лоно богоустановленной русской православно-монархической государственности. Стремительно множится число людей, которые не приемлют нынешней власти тьмы, не хотят жить в стихии вседозволенности и беззакония и готовы не на жизнь, а на смерть бороться за свои права. Но давайте прежде вспомним бессмертные слова Царя-мученика,

что «не зло победит зло, а только любовь». Возлюбим же друг друга, своих ближних и родных, будем терпимее к нашим недостаткам и сделаем главный спасительный шаг: принесем свое искреннее покаяние перед Господом Богом за грехи богоборчества и цареубийства, смоем со своего чела каинову печать и обратимся к Небесному заступничеству Пресвятой Богородицы и Царю-мученику Николаю.

Русский народ может проснуться «в мгновение ока», если из народной души вырвется вопль: «Отче, Отче, зачем ты меня оставил?» Тогда придет вновь расцвет на Русскую землю, разбегутся все лукавые царедворцы, узнают все враги России, что еще не перевелись на Руси богатыри — потомки Святослава Великого и Александра Невского, Дмитрия Донского и Кузьмы Минина, Александра Суворова и Георгия Жукова, и возродится Святая Русь после страшной смуты духовного рабства, и засияет краше прежнего земной дом Пресвятой Богородицы, и Москва — Престол Божий на Земле, как столица всего славянского мира, вновь станет Святым градом, в котором на Царском троне, избранный самим Господом и призванный Великим Земским Собором Всея Руси воссияет истинно русский православный Царь-Самодержец, о котором сказано в святоотеческих пророчествах, что он будет человеком горячей веры, железной воли и острого ума. Преподобный Серафим Саровский предрекал, что Россия сольется в одно целое с прочими славянскими странами и составит громадный океан, пред которым будут трепетать прочие племена земные. И будет это новое православное царство от Адриатики до Тихого океана, объединенное вокруг возрожденной Москвы, как пророчествовали старцы, материально не богато, но духом крепко.

prav-knigi.ru

Подписано в печать 04.06.20.

Формат 84×108¹/₃₂.

Издательство «Ковчег».

Москва, Савеловский проезд, д. 8

Оптовая и розничная книжная торговля

Москва: +7 (495) 689-11-00.

Сергиев Посад: +7 (496) 551-08-47.